

К 45-летию Победы

АРХЕОЛОГИ НА ВОЙНЕ

**(ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)**

МОСКВА — 1990

**РОССИЙСКАЯ НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО**

К Сорокалпятилетию Победы

АРХЕОЛОГИ НА ВОЙНЕ

(воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны)

Под редакцией доктора исторических наук Г.Н. Матюшина

Москва — 1990 г.

АРХЕОЛОГИ НА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941 — 1945 гг.)

Археологов в нашей стране насчитывают всего несколько сотен, а до войны число их было еще меньше. Однако многие, очень многие из них приняли самое активное участие в защите Отечества, а некоторые и пали смертью храбрых на полях сражений. Из сотрудников Института погибло на фронте трое — Дмитриев Павел Алексеевич, Талицкий Михаил Васильевич и Сугробов Николай Андреевич. Большие потери понесло Ленинградское отделение Института. Это и не удивительно, до войны главная часть Института располагалась в Ленинграде.

Из сотрудников ЛО ИА на фронте погибли — Занкович Георгий Владимирович, Карачаровский Всеволод Владимирович, Круглов Андрей Павлович, Прокошев Николай Афанасьевич, Чернягин Николай Николаевич. Кроме того погибли археологи в определенное время бывшие сотрудниками Института, а потом перешедшие в другие, родственные учреждения. Это — Амосов Сергей Николаевич (сотрудник Эрмитажа), Мачинский Алексей Владимирович — (сотрудник Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР), Рабинович Меер-Бер Залманович, (до конца 1939 г. работавший в ЛО ИА и уволившийся в январе 1940 из Института). Погибла Сниткина Валентина Александровна, до 1940 г. работавшая в реставрационной мастерской ЛО ИА, а потом перешедшая на работу в фольклорную мастерскую Института русской литературы (Пушкинский дом). Имена погибших археологов запечатлены на мраморной доске Института.

По разному сложилась их жизнь: Дмитриев Павел Алексеевич родился в 1902 г. в Тюмени, учился в Московском археологическом институте, а потом на археологическом отделении факультета общественных наук МГУ. В 1925 был зачислен научным сотрудником Гос. истор. музея и аспирантом Института археологии и искусствознания РАНИОН. В 1929 г. Дмитриев защитил диссертацию: "Шигирская

культура на среднем склоне Восточного Урала". С 1932 года и до ухода на фронт он — сначала (1932 — 1934) научный, а с 1937 г — старший научный сотрудник Института археологии (ГАИМК). П.А.Дмитриев участвовал в экспедициях В.А.Городцова, П.П.Ефименко и вел большие исследования на Урале. Им опубликовано 13 работ, однако эти работы дали импульс исследователям Урала на десятки лет. Не случайно известный исследователь уральских древностей Н.П.Кипарисова, назвала одну из культур Урала — в честь П.А.Дмитриева — Дмитриевской.

Талицкий Михаил Васильевич родился в октябре 1906 г. в гор. Ростове Ярославском. В 1926 — 1931 гг. студент биологического факультета МГУ. С 1931 по 1933 сотрудник Московского областного и Антропологического музеев. В 1934 — 1935 гг. работал по договорам в Институте археологии, с 1936 по 1939 гг. — аспирант Института, а с февраля 1939 и до ухода на фронт — младший научный сотрудник сектора дофеодалной Восточной Европы Института археологии. 8 июля 1941 года он был зачислен, как и многие археологи, в народное ополчение. Погиб на фронте.

М.В.Талицким опубликовано всего 8 работ. По нынешним временам не много. Одно из его имя навеки занесено на археологическую карту мира. Его именем названа открытая и исследованная им же первая на Урале достоверная палеолитическая стоянка. Стоянка, названная его именем до сих пор самая богатая и крупная из поздепалеолитических памятников Урала.

Николай Андреевич Сугробов уроженец Москвы, родился 19 мая 1905 года. В 1926 — 1951 гг. — он студент историко-философского факультета МГУ. 1931 — 1938 гг. работал в Центральном гос. архиве Красной Армии, в центральном бюро краеведения, учителем средней школы и сотрудником института библиотековедения. С сентября 1938 и до 1940 — сотрудник Института археологии. Он принимал участие в экспедициях В.А.Городцова, А.Я.Брюсова, П.А.Дмитриева и других.

Многие ветераны, несмотря на ранения и подорванное на фронте здоровье, продолжали стоять в строю археологов до самого последнего дня своей жизни. Вот их имена: Андреев Г.А., Бадер О.Н., Блаватский В.Д., Воронин Н.Н., Зяблин Л.П., Засурцев П.И., Каргер М.К., Колчин Б.А., Крупнов Е.И., Кухаренко Ю.В., Монгайт А.Л., Медведев А.Ф., Рогачев А.Н., Смирнов А.П., Сокольский Н.И., Сорокин В.С., Сымонович Э.А. Черников С.С. и другие.

В настоящее время продолжают работать археологи — ветераны второй мировой войны:

1. Беленицкий Александр Маркович, д.и.н.
2. Борисковский Павел Иосифович, д.и.н.
3. Галкин Лев Леонидович, н.с.
4. Гришин Юрий Семенович, к.и.н.
5. Заднепровский Юрий Александрович, д.и.н.
6. Захарук Юрий Николаевич, д.и.н.
7. Комаров Константин Иванович, к.и.н.
8. Кропоткин Владислав Всеволодович, д.и.н.
9. Любин Василий Прокофьевич, д.и.н.
10. Матюшин Геральд Николаевич, д.и.н.
11. Марковин Владимир Иванович, д.и.н.
12. Меленьтьев Альберт Николаевич, н.с.
13. Мельниковская Ольга Николаевна, к.и.н.
14. Мерперт Николай Яковлевич, д.и.н.
15. Никитин Аркадий Васильевич, к.и.н.
16. Петерс Борис Георгиевич, к.и.н.
17. Раппопорт Павел Александрович, д.и.н.
18. Равдина Тамара Владимировна, к.и.н.
19. Розенфельдт Ростислав Леонидович, к.и.н.
20. Седов Валентин Васильевич, к.и.н.
21. Тарасов Лев Михайлович, к.и.н.
22. Тимощук Борис Анисимович, д.и.н.
23. Тихонов Борис Григорьевич, к.и.н.
24. Шилов Валентин Павлович, к.и.н.

Каждое имя, упомянутое выше — говорит само за себя. Оно сразу вызывает в памяти у каждого культурного человека — крупные открытия, широко известные монографии, книги, статьи. Многих из перечисленных здесь знает не только наша страна, но и весь научный мир.

Военная судьба их складывалась по разному. Одни из них начали службу еще до нападения на нас фашистов. Например, Борис Александрович Рыбаков был командиром разведки артдивизиона 17 дивизии в сентябре — октябре 1939 г. (г.Ливны), Николай Яковлевич Мерперт встретил войну, уже почти год отслужив в армии, Ю.В.Кухаренко — уже заканчивал службу и должен был демобилизоваться, когда началась Великая Отечественная война.

В первые дни войны в народное ополчение вступили археологи: О.Н.Бадер, В.Д.Блаватский, Б.А.Рыбаков и многие другие. Но поковать им не пришлось. Их отозвали в тыл. Страна берегла ученых. Даже в такие трудные дни партия заботилась о будущем мирной науки — археологии. Борис Анисимович Тимошук — с 1939 года служил на Балт. флоте, потом на Пинской флотилии, раненый попал в плен, бежал из плена. Работал в подполье в Житомирской области, был выдан предателем, попал в гестапо за связь с партизанами. Снова тюрьма, концлагерь, причем самый известный — Майданек, куда он попал в 1943 году. До конца войны он скитался по лагерям смерти, чудом выжил. Его освободили американские солдаты в марте 1945 года.

Мальчишками попали на фронт Галкин Л.Л., Матюшин Г.Н., Петерс Б.Г. В 1942 году Матюшин Г.Н., в 1943 г Галкин Л.Л. — добровольцами пришли в школу юнг Северного флота. Потом воевали на кораблях — первый на тральщиках Северного флота, второй — в Днепровской флотилии. Петерс Б.Г. — добровольцем в 1943 г. под Вязьмой.

Тамара Владимировна Равдина была медсестрой на Ладоге, помогала снабжать блокадный Ленинград оружием и питанием. С боями до Берлина на Украинских фронтах прошел капитан Л.П.Зяблин. На Южном фронте воевал капитан Ю.Н.Захарук. На тех же фронтах воевал и Ю.С.Гришин, В.В.Кропоткин. В.В.Седов, во главе взвода автоматчиков прошел Сталинградский, Степной, Первый Украинский, 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский, Н.Я.Мерперт участвовал в обороне древнерусских городов Пскова, Новгорода, Старой Руссы, Валдая. Р.Л.Розенфельдт воевал на Третьем Украинском фронте. Б.Г.Тихонов на Калининском, Северо-Западном, В.П.Шилов на Северо-Западном, и 1 Украинском фронтах.

Пусть простят меня мои коллеги — ветераны, за то, что не всех я назвал и что не о всех сумел рассказать. Для это нужна не статья, а книга, да и не одна. и они все заслуживают этого.

В этом сборнике ветераны рассказывают о войне сами. Насколько удачно — пусть судит читатель. за 40 лет многое забылось.

СТИХИ

Юнги Соловецких островов

Нас звали в те дни салажатами —
Шестнадцати не было лет.
В матросском строю с автоматами
И мы шли дорогой побед.

Мы начинали службу
В суровые годы войны.
Мы завязали дружбу
И ей до сих пор верны.

Легли острова Соловецкие,
Легендой легли за кормой.
В сны наши давно уж не детские
Они приплывают порой.

Там начинали службу
В суровые годы войны.
Там завязали дружбу
И ей до сих пор верны.

Хлебнули мы моря студеного,
Качал нас Дунай голубой,
Свинцовым огнем опаленные
Прошли мы полсвета с тобой.

Мы начали службу
В суровые годы войны.
Мы завязали дружбу
И ей до сих пор верны.

Зовут нас теперь ветеранами
Мальчишки сегодняшних дней,
Что бредят далекими странами.
А нам Соловков нет родней,

Где начинали службу
В суровые годы войны,
Где завязали дружбу
И ей до сих пор верны.

Простившись с родными причалами,
Идем через годы не зря.
Не все стали мы адмиралами,
Но все мы как прежде друзья.

Мы начинали службу
В суровые годы войны.
Мы завязали дружбу
И ей до сих пор верны.

РОДНАЯ МОРСКАЯ

Исполнялось Л.О. Утесовым

Во мраке вдали сверкают огни
И песня прощальная льется.
Мы в море идем в бурлящую ширь,
Наш дом за кормой остается.

Куда ни посмотришь — бушует волна
И звезды мерцают над нами.
А ветер соленый знакомый напев
Опять затянул над волнами:

"Раскинулось море..." он песню поет.
Моряк эту песню узнает.
Давно она в море, как чайка живет,
Как чайка над морем летает.

А если ты ветру подтянешь, дружок,
Достанешь баян, заиграешь.
Он песню любую о море споет,
Услышишь какую желаешь.

Он горькую песнь о Цусиме споет
И гордую песнь о Варяге.
Споет про геройский Ледовый поход,
О славном израненном флаге.

О рейде морском, где легла тишина,
Нелегкий поход предвещая.
О камне заветном вернувшимся в порт —
Расскажет легенда простая.

Лети наша песня,
Лети не смолкая,
Как море прекрасна,

* * *

Опять завертелись колеса,
Столбы подсчитают наш путь.
А ты задавай мне вопросы
И главный из них не забудь.

Со мною друзья и палатки,
Со мною бусоль, нивелир.
За далью суровой, не гладкой
Нас ждет заколдованный мир.

Пройдем километры шальные,
И степь и барханы пройдем.
Где джины беснуются злые,
Мы древнюю сказку найдем.

Войдем в зачарованный город,
Где песня века не звучит.
И сердце познавшее холод
Пусть в лад с нашим сердцем стучит.

1980

• • •

Седина словно метки за грех
За ошибки и горечь утрат
Седину не стяхнешь словно снег
В жизни каждого свой листопад.

Но еще не зима, не зима!
Холод душу еще не сковал
Пусть все также вскипает волна.
Руки твердо легли на штурвал.

Островов этих сказочных нет,
Что пригрезились в юности нам.
Но, как прежде, встречая рассвет
К незнакомым идем берегам.

Нам от новых седин не уйти,
Гавань тихая — нет, не для нас.
Мы пройдем сколько нужно пройти
И как прежде нам сердце компас.

1977

БОРИС ПЕТЕРС

АТАКА

Под небом нежнее сирени
С грядой облаков набекрень,
Ревущее танков гуденье
И страха минутная тень.

Но смертью дорогу расчистив,
Сгорая в огне и пыли,
Мы падаем рваными листьями
В летящие комья земли.

15. VII. 1943,
Брянский фронт

• • •

ОКОПЫ

Окопы, дождь косой и стужа,
Шинель, примокшая к спине.
Подбитый танк в горячей луже
Стоит, как памятник войне.

И девушка, в простой ушанке ...
Тот поцелуй — полет и высь ...
И вдруг команда: "Слева танки!" ...
И снова смерть ... и снова жизнь ...

Осень 1943 г.,
1 Прибалтийский фронт

* * *

На гибель Радомира Андреева

Под стоны и вскрипы снарядов,
Сгибающих рельсы в дугу,
Мы с другом лежали рядом
На черном, сожженном снегу.

Вдруг скрывшись в кровавой метели,
Упал он, как рваный мешок ...
Я знаю, не все мы успели,
Но каждый свершил то, что смог!

17. XII. 43.
Городок

• • •

ПЕРЕД АТАКОЙ

Мы умираем день за днем,
Мы умираем час за часом —
Затем, чтобы война потом
Не повторилась ни разу!

И бьет врагов наш миномет,
Дугой летят до цели мины.
Огонь врага — ответный ход. . .
И льют на нас дожди из глины.

Зима 1943—44 гг.,
действующая армия

* * *

У МОГИЛЫ

У ели разбитой снарядом,
Где лес у дороги присел,
Могила солдата, а рядом
Берез перепуганных мел.

На тонкой звезде и на планке,
Разбухшей в весенних дождях,
Осталась лишь надпись ... "на танке
Погиб он геройски в боях ..."

8. II. 1946

На гибель друга

Там, где чернеют на траве
Земли разорванные ключья,
Лежишь с осколком в голове
И вдох все тише и короче.

А говорил, "что жизнь права!
И все уладится с годами..."
Так донесем его слова
Туда, где он не будет с нами!

БОЙ

*Памяти брата
и друга по оружию
Радомира Андреева*

Часто думая, слышу
Вижу день тот опять,
Вновь "х-бэ" в пятнах рыжих
Зацветает, как сад.

Слышу крик и команды,
Хриплый выдох и стон.
У горящей веранды
На боку павший конь.

Пахнет порохом, толом, —
Не вздохнуть, не взглянуть.
Вихрь визгливых осколков
Сыпет землю на грудь.

Жребий тянем мы горький:
Кому пасть, кому быть...
Вдруг окурок с махоркой
Протянул докурить

Мой товарищ по взводу,
Рядом ползший в пыли ...
Улыбаемся оба ...
"Не робей! Покури ..."

30. VIII. 1977

* * *

ВСЕ ПРОШЛО.

Все прошло, и мы этому рады.
Отчего я забыть не могу,
Как осколком немецкой гранаты
Был он ранен на черном снегу.

Жизнь и смерть мы делили с ним поровну.
Он упал на живот и затих.
Ветер шопот донес в мою сторону
"Умираю ... Любите живых"

Война

Война, осенняя столица,
Безлюдных улиц мрак без дна.
Ты в светлом платье из ситца
Повторена в стекле окна.

Диван в чехлах — весь полотняный,
Зрачки открытые в упор. . .
Твой шепот: "Вдруг придет мама. . ."
В ушах не молкнет до сих пор.

Москва 11. 1982 года

ВОЕННАЯ КИНОХРОНИКА

В темном зале, где шорох и шики
Замирали в углах многократ,
Прочитал я о прошлом из книги,
Что писал на стене аппарат.

В черно-белой, матерчатой дал:
Мы еще не узнали всего.
Но когда со скамеек вставали,
Каждый понял: та жизнь — часть его.

Фотокарточка

В грохоте упавшего металла
Бьется конь в мучительной агонии. . .
Я тебя поднял у перевала,
Вытащив из скорченной ладони.

Сколько вместе пройдено и прожито,
А осталось — мертвых рук разлет,
Свежий снег в глазах убитой лошади,
Дымный смерч над ужасом высот.

И к щитку кипящего "максима"
Я приклеил карточки кольцо.
И не будет больше пули мимо —
Целью неприятелю в лицо!

Февраль 1944 года,
Действующая армия

ПРОЗА

В БОЯХ ПОД КИЕВОМ

Я был призван в армию в апреле 1943 г. и после обучения в Гороховецких лагерях направлен в 386 отдельный истребительный противотанковый полк. Формировался полк в Ясной поляне. Усадьба Л.Н. Толстого сильно пострадала во время оккупации. В середине сентября наш полк был направлен на Воронежский (1-й Украинский) фронт. На станции Ворожба Сумской области нас выгрузили и двинули вслед быстро наступающим войскам. В конце сентября наш полк вышел на левый берег Днепра, чуть южнее Киева.

Хорошо запомнились встречи с жителями, которые угощали нас своими небогатыми припасами, буквально "хлебом и солью"...

В темную осеннюю ночь мы переправились с низменного левого, на высокий правый берег Днепра. Там неделей раньше был создан небольшой Букринский плацдарм... Днем немецкие самолеты часто бомбили переправу. Однажды под такую бомбежку попал и я, выполняя задание.

Первоначально предполагалось с Букринского плацдарма наступать на Киев. Здесь была сосредоточена прославленная 3-я гвардейская танковая армия, с которой мы и двинулись в наступление в середине октября... Начало было впечатляющим. Оглушительно гремела канонада, так что казалось земля дрожит под ногами. С высоты, где расположилась наша батарея были хорошо видны наступающие танки. Местность была гористая и танки часто загорались. Однако наступление продолжалось... Вспоминается как мы двигались через небольшую деревеньку. Она так горела, что несмотря на холодную погоду было жарко...

Скопление машин, "пробка" вызвала тревогу, что нас накроют самолеты немцев, но все обошлось..., хотя потом отдельные самолеты и обстреливали нас при дальнейшем движении вперед...

К сожалению, наступление быстро выдохлось. Прорвать глубоко эшелонированную оборону врага мы не смогли... Занятая нашей бата-

реей высота хорошо простреливалась противником и нам приходилось днем отсиживаться на дне окопов. Мы несли большие потери... Даже в часы затишья приходилось передвигаться согнувшись, перебежками. В одну из таких передышек, мы решили сварить картошку на костре. Картошку собрали на брошенном огороде. Деревня была сожжена и разбита, а огороды кое-где уцелели... Я пошел за хворостом для костра, как вдруг что-то сильно ударило меня в бок. Было такое ощущение, что кто-то сильно бросил в меня камень. Предмет, ударивший меня, отскочил и упал неподалеку от ног. Я нагнулся и взял его в руку... и чуть не обжогся. Это была пуля, еще горячая, но уже на излете, потому она и не смогла пробить шинель...

В конце октября мы начали отход. Началась перегруппировка войск. (Уже после войны я узнал, что 3-я танковая армия, к которой мы были приданы, была тогда переброшена на Лютецкий плацдарм, с которого и началось наступление на Киев)... Я в это время заболел и попал в госпиталь... Там и узнал об освобождении Киева. Радости не было конца... Ведь решающий удар по врагу нанесла наша 3-я танковая армия... Мы обнимались, поздравляя друг друга.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

22 июня 1941

Этот день я встретил в Новгороде. С группой ребят из кружка юных историков Ленинградского дворца пионеров, после окончания 9 класса, участвовал в археологических работах. Только неделю нам довелось поработать на раскопе, заполучить первые трудовые мозоли, увидеть в действительности как извлекаются древние находки из земли и как лопатой делается история. В свой первый выходной день (это было как раз 22 июня) мы пошли на экскурсию в кремль. Сейчас уже точно не помню, то ли В.А.Богусевич или А.А.Строков, показывал нам памятники кремля и рассказывал о славном прошлом Великого Новгорода. Во время осмотра Софийского собора, около знаменитых "врат" Магдебургских узнали мы от прибежавшей жены нашего экскурсовода о нападении фашистов, о начале войны. Преодолев затруднения с билетами, в тот же день наша группа сумела уехать домой. Рано утром на еще пустых улицах Ленинграда услышали сообщение по радио о выступлении Черчилля, заявившего о поддержке России.

Уже в июле месяце вместе с другими старшеклассниками Красногвардейского района мы уехали на строительство оборонительных рубежей под Лугу. В пути наш поезд был обстрелян вражескими самолетами. Так впервые я оказался под обстрелом.

Наш стройотряд с остановками для работ пешком отходил по направлению к Новгороду. Лагерем стали в кустарнике вблизи города. Несколько человек, и я в том числе, поехали на грузовике за продуктами в Новгород. На рынке шла бойкая торговля. Купили продукты, а заодно и свежие газеты, в том числе местную. Пока мы были на базаре, мост через Волхов уже разбомбили. На обратном пути нашу машину обстрелял вражеский самолет. Вечером того же дня (это было в середине августа) немцы ворвались в город. Наш стройотряд успели поездом отправить в Ленинград.

Отдыхали мы недолго. В армию нас не брали, по возрасту, а хотелось что-то делать полезное и той же группой мы вновь поехали строить укрепления, но теперь уже довольно близко — на 50—60 км от

Ленинград — у пос. Тосно. Здесь рыли противотанковый ров и наш участок довольно регулярно бомбили. В 20-х числах августа полевая артиллерия противника начала обстрел района работ и пришлось поспешно уходить в Колпино пешком, вместе с небольшими группами красноармейцев. Вскоре кольцо блокады замкнулось.

По комсомольской путевке меня направили на спецкурсы связистов. В ноябре 1941 г. почти все курсанты, которым было 17 лет, подали заявление вступить в армию добровольцами. Довелось испытать все трудности блокадной зимы, попал в госпиталь... В марте 1942 г., после госпиталя оказался на передовой, в составе 43 стрелковой дивизии, оборонявшей важные рубежи возле г. Колпино.

Наиболее памятные кровопролитные бои на знаменитых Сиявинских высотах летом 1943 г., когда наши войска пытались прорвать блокаду Ленинграда.

Я был телефонистом там и там же меня приняли в партию. Однажды бомба разорвалась на крыше нашей землянки. Бревна раздирались.

— Помню после взрыва, все вижу, но ничего не слышу и не понимаю. Потом пришел в себя.

Осенью после боев, как приобретшего некоторый боевой опыт, меня направили на Стрелково-пулеметные курсы младших лейтенантов Ленфронта. В 20 лет я стал пулеметчиком, командиром пулеметного взвода.

Летом 1944 г. участвовал в боях на Карельском перешейке. Наша 381 стрелковая дивизия прорвалась к Вуокси. За отличное выполнение заданий командования дивизию наградили орденом Красного знамени и среди немногих удостоили наименования "Ленинградской".

В составе 2-й ударной армии с боями прошли Эстонию, затем нас перебросили в Польшу, на 11 Белорусский фронт К.К.Рокоссовского. Никогда не забудутся события январского наступления 1945 г. с Наревского плацдарма возле Варшавы. Наша дивизия шла в прорыв в первой линии. Бои были ожесточенные. Часть нашего 2 батальона вырвалась далеко вперед. В сильно пересеченной лесистой местности потеряли связь с соседями. В это время фашисты начали контратаку и заметили, что наша группа оторвалась и попытались окружить. На большом хуторе мы организовали круговую оборону. Была кое-какая техника, в том числе два мои пулемета "Максим". Так что первые атаки были отбиты успешно, а тем временем радисты вызвали поддерживающую артиллерию и та поставила заградительный огонь. Наступила ночь. Подошли отставшие подразделения. Утром разведка установила, что враг отступает и мы двинулись вперед. За умелые действия при прорыве меня наградили орденом "Красной Звезды".

Ускоренным маршем мы двигались с боями за прорвавшимися и далеко ушедшими нашими танковыми частями, освобождая Северную Польшу. Продвигались исключительно быстро. Стрелковая рота капитана С.Я.Фокина, к которой я был придан, остановилась на отдых и обед на краю польской деревушки. Совсем неожиданно появилась в деревне машина с командиром нашей дивизии генерал-майором А.В.Якушевым с охраной. Он выслушал доклад ротного как мы атаковали и сбили вражеский заслон и только тогда поехал в другие подразделения. Появление генерала в передовой цепи наступающей пехоты явление не частое и объясняется, видимо, необходимостью выполнения важной задачи — ускорить выход наших войск к побережью Балтики.

(С капитаном С.Я.Фокиным я вновь встретился лишь через 30 лет. Он выступил в газете "Смена" инициатором встречи ветеранов Ленинградской дивизии в Ленинграде.)

На 6 день наступления ночью 21 января при луне перешли бывшую границу Польши и вступили в Восточную Пруссию. Наступление развивалось успешно. Наш батальон несколькими группами двигался по разным дорогам. Группа в которой находился и я, во главе с комбатом — 2 — майором А.В.Камкиным (в настоящее время проживает в Москве), часто шла напрямик по полям, сокращая расстояние. Темп наступления был таким, что не успевали доставлять нам новые карты и пришлось комбату по радию докладывать, что группа продвигается на северо-запад от закодированного пункта неизвестно куда, так как кончились "бумажки" (карты) и он просил срочно доставить новые карты.

На всю жизнь остались в памяти радостные встречи с освобожденными соотечественниками — женщинами, угнанными в неволю.

Наша часть получила благодарность Верховного Главнокомандующего за успешные действия при штурме большого промышленного и портового города Эльбинга (ныне Элблонг) на берегу Балтики. С выходом к морю была отрезана Восточная Пруссия. Наша дивизия тем самым содействовала взятию Кенигсберга и все мы получили позднее медали "За взятие Кенигсберга".

Тяжелые бои шли за каждый город, за каждый рубеж в них. В марте 1945 г. я командовал штурмовой группой в боях за город Граудиенц (ныне Грудзенз). На Висле в ночь на 5 марта мы преодолели по доскам широкий канал в центре города и начали очищать от врагов траншеи на другом берегу. Здесь в рукопашной схватке я был тяжело ранен. Чуть светало и сержант И.Вахурин перевязал меня наскоро, но

хорошо. Группа под командой сержанта пошла вперед, я остался один. В возбужденном состоянии, шатаясь от боли, нашел силы под обстрелом пройти 3—4 км до первого полевого медпункта. И только в санитарной машине потерял сознание. Выдержал пять операций, когда вытаскивали металлические осколки и пули (часть их до сих пор ношу в груди). Полгода провел в разных госпиталях. Как и многие другие раненные, сердечно признателен всем врачам и сестрам, которые поставили меня на ноги, спасли жизнь и спасли руки от ампутации.

ПЕРВАЯ ВЕСТОЧКА ПОБЕДЫ

Шел 1941 год.

Это был, пожалуй, самый тяжелый, глубоко переживаемый всеми, год. Угнетающие душу каждого советского человека летние и осенние месяцы отступления. Дороги, с запада на восток, забиты сплошными потоками людей. Старики, женщины, дети. Тут же угоняемые на восток стада коров, овец. И страшные бомбежки. Первые увиденные мной их жертвы. Убитая женщина с прикатым к груди мертвым младенцем. Поднятый к небу, маленький сжатый кулачек ребенка, как проклятие убийцам.

Артиллерийская бригада Большой мощности, Резерва Главного командования, в которой я служил, передислоцировалась из города Чертковка, Тернопольской области, сперва в город Сумы, а, потом, под Ростов-на-Дону, в город Батайск, на левый берег Дона. Наши мощные 203-х мм пушки-гаубицы, предназначенные для разрушения долговременных, сильно укрепленных огневых точек противника, мало маневренные из-за своей громоздкости, естественно, не могли быть эффективно использованы при отступлении. Тот факт, что наша часть заняла боевой порядок на левом берегу Дона указывал на то, что командование Южного фронта, очевидно, и Ставка Главного командования, решили создать на левом берегу Дона укрепленную линию обороны, с целью задержать и не пропустить гитлеровцев далее на юго-восток, на Кавказ, куда они отчаянно рвались.

Левый, низкий, пологий берег Дона хорошо просматриваемый с высокого правого берега, представлял собой далеко не лучшую позицию для обороны. Красавец город Ростов естественно расположился на высоком правом берегу Дона и господствовал над всем прилегающим к нему левобережьем. Пушки-гаубицы были "спрятаны" в загодя вырытые для этого в полный профиль котлованы и хорошо замаскированы. Личный состав бригады усиленно тренировался в огневой подготовке. Батареи были обеспечены мощными шестидесятиклограммовыми снарядами.

Не помню точно, то ли в начале, то ли в конце ноября немцы после упорных боев заняли город Ростов. Наша бригада была

приведена в состояние боевой готовности. В декабре более активно стала действовать наша авиация. Участились воздушные бои. Мы с тревогой их наблюдали. Запомнился один из воздушных боев между нашим быстрым и маневренным истребителем и фашистским бомбардировщиком. В ходе боя, когда на нашем истребителе был израсходован весь боекомплект, пилот пошел на воздушный таран вражеского бомбардировщика. С замиранием в сердце мы наблюдали этот поединок. Наш истребитель зашел бомбардировщику с тыла и стал постепенно к нему приближаться. Наконец, истребитель настиг фашистскую машину и в одно короткое касание срезал его хвостовое оперение. По всему левому берегу Дона раздались восторженные крики одобрения советских воинов. Истребитель взмыл в верх и взял курс на свою базу. Бомбардировщик же камнем рухнул на землю и взорвался, недалеко от нашего расположения. Воодушевленный виденным, я вместе с другими побежал к месту падения самолета. Среди остатков разрушенного самолета лежали три обгоревших трупа фашистского экипажа. Мы ликовали. На следующий день во фронтовой газете был помещен портрет молодого советского аса-героя.

В начале декабря начался штурм Ростова. Заговорили наши пушки-гаубицы, разрушая долговременные укрепленные точки противника. Вскоре наша пехота форсировала Дон и освободила Ростов. Первый освобожденный от фашистов город. Советские части не только освободили город, но и успешно преследовали в панике отступающего противника. Фашисты отступали и спешно стали создавать мощный рубеж обороны по р. Миус. Освобождение Ростова было торжественно отмечено приказом Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина, как наша первая, замечательная победа. Всем частям принимавшим участие в освобождении Ростова была в приказе объявлена благодарность. Орденами и медалями были отмечены воины и нашей бригады. Ростовская операция показала, что в условиях превосходящего противника, к тому же обладавшего инициативой, наши войска в ходе тяжелых отступающих боев, способны не только вести оборонительные бои, но, и самим, переходить в контрнаступление, нанося врагу ощутимые потери.

В начале февраля 1942 г. наша бригада была переброшена к сильно укрепленному оборонительному рубежу немцев по р. Миус. Осуществляя форсированный марш от Батайска в сторону Таганрога, в район знаменитой на этом участке фронта высоты "Соленой", где уже летом разгорелись особо кровопролитные бои, мы наблюдали

следы поспешного отступления немцев. Все были воодушевлены ростовской победой, воспрянули духом после долгих и изнурительных месяцев и дней отступления. До окончательной Победы предстоял еще долгий, стоивший огромных жертв, боевой путь Советской Армии, но освобождение Ростова в декабре 1941 года останется в истории как первая весточка наших боевых побед.

АРКТИЧЕСКИЙ КРУИЗ

В год 40-летия Победы мне, наконец, удалось вновь побывать на Крайнем Севере, выбраться в места, где прошла моя боевая юность. Посчастливилось добыть путевку в Арктический круиз. Маршрут романтичный: Мурманск — Земля Франца Иосифа — Диксон — Дудинка — Норильск — Соловки — Архангельск.

Сентябрь мы отмечали в Мурманске. Город молодой — советский. До революции здесь был небольшой поселок — Александровск... Встретили нас очень радушно. Начались экскурсии по городу и прежде всего, конечно, в рыбный порт — красу и славу мурманчан. Я понимал, что за 40 лет здесь мало что сохранилось. Да и сохраняться-то было мало чему, когда я покидал город в 1945 — он весь лежал в руинах. Поэтому и не надеялся встретить здесь что-либо знакомое...

1. Рыбный порт

Наш гид — бывший "чиф" -- первый помощник капитана, больше 30 лет проработавший здесь, водил нас по цехам рыбкомбината, расположенного, как и прежде, прямо на причале. Суда перегружали свой улов в цеха. Из двери цеха засолки мы вышли сразу к самому борту океанского сейнера. Трехэтажная вышка причального строения едва доходила до его палубы. Мощь современного флота демонстрировалась более чем наглядно... Я взглянул с усмешкой на подслеповатые окна, невысокого по сравнению с сейнером, строения и вдруг что-то знакомое, хотя и очень далекое почудилось мне в этих покрытых копотью окнах...

— Что это за причал? — спросил я у гида.

— Да, шестой, задержались с его модернизацией, — ответил он.

— А не сохранилось ли здесь что-нибудь от войны?

— Да что Вы, какая война. Здесь ничего не было военного. Корабли базировались совсем в другом месте. А здесь и в войну был рыбный порт и рыбный комбинат, — категорично отрезал он.

— Показалось, — подумалось мне. Но в этот миг из-за туч и лайнеров выглянуло солнце. Закопченные окна башни засияли пламенем...

Сердце как-то вдруг осело. Стало трудно дышать. Я остановился... Что-то плотное подступило к горлу... Шестой причал... Память, как

наплывом кинокамеры, высветила такое же солнечное утро 1943 года... Та же вышка, те же языки пламени в ее закопченных войной окнах... Тихий ясный день, какие на Севере, да еще в войну, встречались так редко, что запоминались на всю жизнь... Память унесла меня так далеко, что я уже не видел громады океанского траулера. На его месте был маленький в сравнении с ним военный тральщик № 106. Над его мостиком возвышалась та же вышка причального строения. Совсем рядом из-за Абрам - мыса наплывала черная армада фашистских стервятников... Сыпятся бомбы. Горит причал, клочья горящего сена с вышки летят на корабль. Целые охапки, запасенного для перевозки на полярные станции, сел заливают нас огненными вихрями. А у нас разобраны все машины. Лихорадочно на шлюпке затаиваем якорь в залив. Подтягиваемся на руках, стараюсь спастись от огненного смерча, ведь на палубе тонны бензина. А сверху, с вышки все падают на нас огненные клочья...

Память "крутит" уже, целый фильм: 1944 год. Близок конец войны. Тот же причал... То же солнечное утро. Та же подслеповатая вышка... Тихо... Спокойно... Корабль спит. Мерно и сонно покачиваются мотоботы у соседнего причала, равномерно вздымаются шпироны тамиков за кормой, тихо дышат воды Кольского залива, однотонно перекачивая солнечные блики.

Очень хочется спать, но дежурному по ТАМу — 106 этого не полагается. ТАМ, или любовно — "тамик", означало полностью — "Тральщик акустикоманитный". Тамики называли еще "пловучими гробами". И не случайно. Построенные в незапамятные времена английские китобойные суда, с паровыми машинами и устаревшими котлами, в начале войны были переоборудованы в военные корабли и проданы нам по лэнд-лизу союзниками.

Переоборудование свелось к установке эрликонов — 20-мм пушек, пулеметов льюис — верно раскопанных где-то на складах Первой Мировой войны — и двух новейших акустикоманитных тралов.

Один из них — акустический, представлял собой металлический барабан с двумя отбойными молотками внутри. Этот барабан прикрутили к специальному подъемному крану — шпирону. Когда шпирон опускался под воду, молотки начинали стучать по стальному дну барабана. Этот звук должен был взрывать акустические мины. Сейчас шпирон уродливо торчал над носом корабля, а на барабане его дремала чайка.

Манитный трал — это прежде всего два толстых, чуть толще пожарного шланга, медных кабеля длиной в тысячу ярдов. В море эти километровые кабели вручную осторожно спускали за корму. Потом

по ним пропускали высоковольтный ток, создававший большое магнитное поле. Это поле и взрывало магнитные мины.

От загрузки тралами, пушкой, пулеметами, глубинными бомбами, мощными генераторами и аккумуляторами с подлодок (для тралов), горючим, провизией и водой на полгода, старые китобои ушли под воду на 4,5 метра, палуба возвышалась над морем всего на 20 сантиметров. Поэтому на палубе всегда плескалась вода. Только полубак со шпиромом и ют несколько выше поднимались над морем и там иногда было сухо. Самое уютное место — между трубой и мостиком — и рострах. Стальной корпус здесь всегда был теплым от расположенной под ним паровой машины, а волны реже доносили сюда свои холодные обжигающие брызги.

С мостика трал выглядел огромным питоном, охватившим гигантскими шлагами весь корабль от носа до кормы и, как будто-бы, приготовившимся сжать свои смертоносные кольца...

— Б-р-р, я даже поежился, представив это. Однако трал ас "душил" иначе.

Ставить трал было не так-то трудно, с этим справлялась половина нашего 37-людного экипажа. Но вот на уборку его выходили все свободные от вахты, даже коки и офицеры. Особенно в шторм. Волна, поднимая корму, вырывала трал из рук, и иногда, несмотря на все наши самые отчаянные потуги, он уходил снова в пучину, и опять по сантиметру, напрягая все свои силы, его надо было вытягивать на борт, растаскивать эту двойную километровую змею вдоль борта и бережно обматывать ею весь корабль. Бережно — для того, чтобы не повредить тонкую резиновую обмотку — изоляцию кабеля. А поврежденная изоляция — это смерть, взрыв мины под кораблем.

Ледовитый океан никогда не спокоен, соленая, ледяная и летом, и зимой, волна окатывала нас, разгоряченных от непосильной нагрузки, холодным душем. Зимой эти брызги быстро намерзали на капюшоне прорезиненных спецовок, мешая дышать. Но, когда кто-то в перерывах между накатами волн, не успев вздохнуть воздуха, закашлялся от ледяной соли попавшей в легкие, то трал замирал в руках соседей и слышалось суровое:

— Салага, дышать не умеешь, соску бы тебе! — или что-то еще более сочное и сердитое, что заставляло подтянуться, побороть минутное расслабление и вновь тянуть и тянуть этого проклятого, черного тысячеярдowego питона. Хуже всего, если нас замечали самолеты. Тогда начиналась адская свистопляска.

Скорость с тралом была мизерная, маневренности никакой. Увернуться от бомб с километровым хвостом было невозможно и вот началась лихорадочная выборка трала под свист падающих рядом бомб... И так иногда — по нескольку раз в день... по горло в ледяной воде, часами и сутками все четыре года войны., по шесть — семь месяцев не возвращаясь на базу... Сейчас был короткий перерыв, а потом опять на полгода в море... Опять...

Спасал спирт. Нам его давали втрое больше, чем пехоте в бою. 100 грамм — дронтовых, 100 грамм — тральных и 50 граммов спирта — "арктические". Получалось чуть больше 300 граммов водки на каждого ежедневно. Хватало и выпить после ледяного душа и растереть подмороженные места. У многих сдавали легкие... Но я об этом не думал, потому что был самый молодой на тральщике. Пришел на корабль в 1943 году, вскоре после окончания школы юнгов на Соловках и свое шестнадцатилетие встречал уже опытным рулевым, в море, на боевом тралении, при проводке каравана союзников...

В 1944-ом мне шел восемнадцатый год. Я был уже не юнгой, а старшиной рулевых. Теперь в бою мое место было не на ДШК наводчиком (ДШК — крупнокалиберные пулеметы были поставлены вместо устаревших Пуисов), а на первом посту — у штурвала корабля. Здесь мне везло, еще ни разу нас не "поймала" ни одна бомба, а целили их в нас немало. Матросы, по возрасту приходящиеся дедками, уважительно называли меня за это по отчеству ... — Николаевич.

Впрочем, на корабле всех называли по имени и отчеству. Такие порядки ввел наш командир — капитан-лейтенант Элькснин ... Тогда он мне даже доверил дежурство по кораблю ... Я был вахтенным командиром корабля ... А корабль спал ... И тысячеярдовая змея трала выглядела мирной, оба черных питона казалось дремали ... На кончике мачты, на самом клотике, тоже дремала чайка. Казалось, лишь двое бодрствуют в этом сонном царстве — круглые сутки незаходящее солнце и маячок на крохотном островке со странным названием "Абрам — карга".

Маячок был удивительно стойким. Вокруг кипел порт и грохотала война. Каждые сутки на город налетало по 150—200 самолетов. Взрывы бомб перепахивали остатки домов, кинотеатров, клубов, школ — останки того, что когда-то кипело страстями, надеждами, жизнью и носило звучное имя самого северного областного центра страны ... Больше всего доставалось порту. Здесь была база флота, доки, заводы, склады. Налеты на город повторялись по нескольку раз

в сутки, но как-то самолетам редко удавалось сбросить бомбы на порт и они чаще сыпались на беззащитный город и в ... залив, как будто фашисты ставили своей главной задачей уничтожить островок в центре бухты. Всплески от разрывов со всех сторон окатывали Абрам — каргу, но маячок бодро нес свою бессменную вахту, приветливо встречая уставшие корабли и показывая им путь к причалу, к отдыху ...

Линия сухопутного фронта проходила близко — всего в 8 км от берега залива, рядом был Рыбачий, Варанге фиорд, оккупированная Норвегия, но для нас это был глубокий тыл — ремонт, горючее, продукты и отдышка. Сейчас он был особенно нужен — уже больше недели никто на корабле ни на минуту не сомкнул глаз. Траление под носом вражеских батарей, схватки с подлодками, катерами, самолетами — беспрепятственной лентой свистели, грохотали, ухали вокруг тральщика и до предела изматывали всех и все.

И вот уже второй час корабль спал ...

Звонок от трапа вспугнул подкрадывающуюся дремоту.

— Товарищ дежурный по кораблю, — доложил голос дежурного "по низам" минера Мочалкина, — прибыло пополнение из экипажа.

— Добро, — отозвался я, — что за люди-то?

— С сухопутного фронта. Морская пехота. На вид орлы, но по моему салаги!

— Ну что ж, проверь. Побеседуй, как член комс. комитета. Введи в ритм. Пусть побыстрее ориентируются. Через час в море.

— Ясно, комсорг, попробую.

— Через 20 минут подними старпома, радиста и механика.

— Есть! Только вот как старпома поднять?

Старпом не был кадровым офицером. Он пришел на корабль с началом войны из торгового флота. Очень энергичный, остроумный, он не знал усталости, но имел одну слабость — удивительно крепкий сон. Мгновенно он поднимался только по сигналу колоколов громкого боя, поднять же его во внеурочное время было очень трудно. Он полностью соответствовал своей любимой поговорке: "Люблю повеселиться, особенно... поспать". Но спать приходилось редко. Особенно последнее время, когда наступил долгий полярный день и приходилось месяцами работать на минных полях противника, прокладывая фарватер (путь) караванам союзников и своим десантам.

— Старпома нужно поднять через 20 минут, — повторил я. — Рассыльного замени новичком, пусть поспит.

— Есть!

— И вообще командуй, а я займусь эхолотом.

Положив трубку, Мочалкин обратился к рассыльному:

— Давай всех на полубак. Буду беседовать о морской этике.

Матросы расселись на полубаке, кто где. Один уселся на якорь. Двое — на массивных чугунных столбах-кнехтах, служащих для крепления тросов. На фоне рослых, щегольски одетых в новую форму новичков, курносый минер со светлорыжими усами в потертой фланельке выглядел бледновато. Казалось, сияние орденов и медалей на груди новичков топило невысокую фигуру дежурного "по низам". Оглядев новичков, и, как им показалось, несколько смущенно Мочалкин произнес:

— Вы, я вижу ребята, бывалый народ.

— Да, уж не первый день на флоте, — отозвался один из вновь прибывших. Выглядел он особенно браво, в лихо заломленной бескозырке и в широченных клешах.

— Ну, вот и хорошо. Я вам тогда не буду все рассказывать, сами сообразите, да и некогда, через час в море. Сами понимаете перед выходом в море нужно все подготовить... Штормы, шквалы и все такое.

— Конечно, — прогудели новички, — знакомое дело.

— Вот и прекрасно, — „обрадовался” Мочалкин и лукавые бесенята запрыгали в его маленьких глазах, — Значит так, хлопцы, двое вот, неплохо было бы если кнехты осадили, вдруг в шторм швартоваться придется. А, вы двое, — обратился он к другим новичкам, — якорьком бы занялись, а то он у нас позатупился порядком. Ну, а Вам, — приказал Мочалкин бравому матросу, — придется заступить рассыльным по кораблю.

Через 20 минут в каюте командира корабля раздался голос нового рассыльного:

— Товарищ командир, разрешите доложить?

— Доложите старпому, — сонно отозвался командир.

Рассыльный двинулся в каюту напротив.

— Товарищ капитан-лейтенант, товарищ капитан-лейтенант, Абрам-карга с якоря снялась!

— Не задерживайте, — пробормотал, не просыпаясь старпом, — пусть следует своим курсом.

Через минуту рассыльный вернулся и во весь голос рявкнул:

— Товарищ капитан-лейтенант, Абрам-карга с якоря снялась. Стол накрыт. — Вас приглашают на клотик чай пить!

— Что?! — Ошалело поднял голову старпом, не понимая во сне все это или на яву. — Не мешайте спать!

Но уснуть не удалось. Сверху, прямо над головой, раздались мерные сильные удары. Били чем-то тяжелым по металлу.

— Что такое? Что случилось? — Вскочил старпом, нажимая на звонок вызова дежурного по кораблю. Не успел я протиснуть голову в дверь каюты, как услышал раздраженный голос помощника:

— Что у Вас творится, дежурный? То докладывают, что остров Абрам-карга "с якоря снялся", то на кончик мачты чай пить зовут, а теперь вот еще, — указал он наверх. Удары равномерно сотрясали корпус.

Мы вышли на палубу. Прямо над каютой старпома двое матросов в новеньких щегольских фланельках со всех силой били кувалдами по массивным чугунным кнехтам, как будто бы старались вколотить их в корпус корабля.

— Не будете ли Вы любезны, объяснить мне, — обратился старпом с изысканной учтивостью к новичкам, — Что Вы тут делаете?

Чрезмерная предупредительность означала обычно высшую степень его ярости. Я замер... Простота и непосредственный интерес послышавшийся в вопросе подошедшего офицера, его нестроевой вид, трубка, бакенбарды — производили обманчивое впечатление "то же новичек". И они поспешили с "откровениями":

— Видите-ли, товарищ капитан-лейтенант, мы идем в море.

— Гм, мы, — взглянул на них старпом.

— Ну да, и вот это кнехты, за них цепляют всякие тросы, ну веревки разные. Так их, понимаете, надо осадить поглубже.

— Как это "осадить"? удивился старпом — Они же не колья и закреплены на болтах и гайках.

— Да, — растерянно протянул один из матросов, вглядываясь, — На болтах, а нам сказали... Не слушая новичка, яростно разжигая на ходу трубку, помощник поднялся на полубак, все еще толком не понимая сон все это или лев и ... обомлел остановившись. Прямо перед ним два матроса в парадной форме старательно пилили большими напильниками огромную литую болванку якоря.

— Что это? — Взревел старпом, изменив своей обычной сдержанности.

— Что вы тут делаете!?

— Разрешите доложить, — вытянулся перед ним опять незнакомый матрос.

— Идем в поход, нужно якорь подточить, чтобы лучше цеплялся за грунт.

— "Цеплялся", — задохнулся от ярости старпом. — Дежурный!? Что за люди?

— Что за бедлам!?

— Разрешите доложить, — вырос перед офицером Мочалкин, — на корабль прибыло пополнение. Разъясняется морская этика.

Взглянув в веснушчатое лицо дежурного "по низам" и уловив искорки в лукавых глазах минера, старпом понял все.

— За "морскую этику" двое суток ареста! Отсидите после похода. Новичков всех ко мне...

И через несколько минут, проходя мимо полубака, я услышал голос старпом...:

— Те 20 минут, которые вы провели на нашем корабле, уже, очевидно, показали вам, что самое главное в жизни моряка, это находчивость, сообразительность, смекалка...

По кораблю разносился бодрый и звонкий голос дежурного по низам:

— Корабль к походу и бою изготовить!

Через час, отшвартовываясь от пирса и разворачиваясь для выхода в море, мы совсем близко прошли мимо маячка, который приветливо мигнул нам солнечным зайчиком, как бы желая счастливого плавания...

— До свидания, Абрам-карга, мы еще вернемся... прошептал стоявший рядом со мной Мочалкин. Странная, непривычная для этого весельчака и балагура грусть прозвучала в его голосе...

Тральщик № 106 выходил в море...

Мои воспоминания прервал раздраженный голос старосты туристов, — Вы что, заснули? Группа уже ушла, а он размечтался. Вот сообщу на работу, что нарушаете.

Встрепенувшись, я бегом бросился догонять своих сокрузников.

2. Баренцево море

Комфортабельный теплоход "Клавдия Еланская" с двумя сотнями туристов и столь же многочисленным экипажем со скоростью 20 узлов резал воды Кольского залива. Прошли Полярное, которое до революции носило имя царской династии, а в годы войны здесь была Главная база Северного флота. Отсюда отправлялись великие арктические экспедиции в начале века, что само по себе считалось уже подвигом. И буднично и ежедневно выходили на боевые задания корабли Северного флота, для которых событием считалось только

потопление вражеского судна или уничтожение мин. Тогда при входе в Екатерининскую гавань корабль давал столько залпов, сколько он потопил вражеских судов. И никто уже не считал подвигом плавание в суровых, по-прежнему, морях борейских. Это были будни, просто жизнь, а подвиг — гибель врага.

Прошли Кильдин — скалистый остров у входа в Кольский залив. Началась обычная для Баренцева моря штормовая волна. Ветер срывал белые клочки с гребня волн и нес их на лайнер, но лишь брызги от них иногда долетали до верхнего мостика. А на углу военном тральщике такие волны омывали весь корабль от палубы до клотика. Вот так же и тогда нас встречал шторм...

Снова я был в 1944 году... И снова тральщик 106 выходил в море...

Из камбуза донеслась негромкая песня: — Маяк высокий
с острова Кильдина

Дорогу освещает коф блям...

Напевал вполголоса высокий длинноносый кок... Кок встречал третью войну. На "германской" он служил на прославленном "Новике", в гражданскую с отрядом балтийцев дошел до Севера, да так и осел здесь. Завел в Архангельске семью, жил спокойно и вряд ли рассчитывал, что еще раз придется воевать. А вот пришлось. И он воевал. Добросовестно, не взирая на штормы и качку, готовил отличные борщи и котлеты. А по тревоге так же обстоятельно и добросовестно готовил боеприпасы для ДШК... Был моим вторым номером...

— А Кильдин — твой неважно нас встретил. — Вывернулся откуда-то Мочалкин. С коком у него была дружба.

— Что? — выглянул кок из иллюминатора.

— Смотри как штормит. — Волна, с грохотом разбившись о палубак, обдала разгоряченное лицо кока солеными брызгами.

— Ну и что?

— Как у тебя все в порядке? Компот-то хорошо задраен?

— Порядок. Не подмазывайся к компоту. Дождешься обеда.

— Ну, что ты, Гриша, я же серьезно, — сделал умильные глазки минер.

— Вдруг, соленой воды в бачек хлестануло? Надо попробовать.

— Обойдешься без пробы. Послушай-ка лучше песню. Вчера Ваня Батов сочинил, для стенгазеты...

В суровых краях Заполярья,

Где волны бушуют порой,

Дорогу от мин расчищая,

Спокойно идет сто шестой

Идет он заливом иль морем,
По тайным ли минным полям,
Стремится хотя б даже с боем
Дорогу открыть кораблям

И рвутся магнитные мины
За тралом одна из другой
Напрасно и немцы и финны
Пытались закрыть путь морской...

— "Рвутся" — потянул Мочалкин. — Хоть бы одну подорвать...
Звякнул сигнал вызова дежурного. Мочалкин пулей взлетел на мостик.

— Пригласите штурмана, — начал было старпом, но его прервал голос сигнальщика:

— Справа по носу мина!

— Право на борт! Стоп машина! — скомандовал старпом

... Волны перестали грохотать у полубака и стрелять брызгами с мостика. Недовольно шипя, они пронеслись по нижней палубе. Стало как-то непривычно тихо. Из камбуза отчетливо слышалось:

И там где протрален фарватер,
Где ТАМик рошел сто шестой
Спокойно идут караваны,
Спокойно идет их конвой...

— Расчет эрликона на пост! — Приказал помощник.

— Есть! — ответил минер и, прогремев кованными ботинками по стальному трапу, скатился на ростры.

— Караул! Тонем! Спасайся кто может! — рявкнул он, спрыгнув на железный настил ростр. За трубой взметнулась закутанная в чехлы фигура.

— Мочалкин. Не дашь никогда спокойно поболеть. — раздался недовольный голос Островского, радиста.

— А ты в хубрике болей. Там теплее! — бросил на ходу минер.

Фигура не ответила, вновь исчезнув за трубой... На берегу, в Ваенге, пожалуй было трудно найти более бравого моряка, чем Саша Островский. Крупный, усатый пижон из штаба бригады траления был хорошо известен и девицам Мурманского раброрта. Держался он со всеми нижестоящими снисходительно высокомерно. Никто лучше его в бригаде не работал на ключе. К нам он попал случайно, заменив в последнюю минуту заболевшего радиста. И только тут мы узнали, что Саша и в море-то никогда не был. Он мучился морской болезнью.

Одутловатое, с повисшими рыжими усиками и маленькими заплывшими глазками лицо его выглядело жалко. От пижонства не осталось и следа. Все время между вахтами он проводил на рострах, закутывавшись в старые чехлы и ни на минуту не расставаясь со спасательными жилетами и пробковыми поясами...

С полубака донеслись первые выстрелы... Но мина попалась упрямой. Вероятно, ее не совсем сорвало с якоря. Показываясь на несколько секунд между волнами, она тут же исчезла под ревущим потоком воды. Находясь под водой, при спокойном море, она была незаметна с поверхности и только разбушевавшаяся стихия открыла ее убежище.

— Попробуй-ка оставь ее так. Утихнет шторм и первый же корабль из Иоканги или Архангельска взлетит на воздух. Место-то какое — самый фарватер. Тут и на Вайгач и на Диксон идут. Комментировал события кох своему помощнику из новичков.

Тральщик метало из стороны в сторону. Попасть в мину было почти невозможно.

— А я слышал, со шлюпки мины подрывают, — высказался новичек.

— А как ты ее спустишь на воду при такой волне. Разобьет к чертовой бабушке. Да, если и спустишь на воду, к мине все равно не подойдешь — ответил кох. — Посадит прямо на мину.

К трассам эрликона присоединились очереди ДШК. Но попасть с качающегося как щепка тральщика в ныряющую мину никак не удавалось. Командир решился на рискованный шаг. Корабль развернулся и подошел к мине почти вплотную, на опасно близкое расстояние. Волной могло набросить корабль на мину, да и ее могло сорвать и выбросить на борт. Взметнувшаяся вода на секунду обнажила стальное тело рогатого шара и в тот же момент снаряд эрликона прошил мину насквозь. Мина медленно пошла на дно.

— Все! — вздохнул кто-то с облегчением на мостике. И одновременно с этим донесся испуганный возглас сигнальщика Митина.

— Слева у борта вторая мина!

Это было сложнее. Мина, вероятно, только была сорвана с якоря и всплыла у самого борта. Спокойно покачиваясь с подверженной стороны она в любую секунду могла быть брошена волной к самому борту и... страшно было подумать, что бы произошло с нашим в общем-то небольшим тральщиком, совсем недавно исполнявшим обязанности китобойного судна и переделанного на скорую руку в военный корабль.

Очередная волна высоко подняла корабль над миной и... еще секунда...

— Малый назад! Самый малый! — Очень медленно тральщик пошел назад, но и мина словно привязанная двинулась вслед за нами...

— Зацепилась тросом своим за шпирон, сволочь! — вырвалось у старпома. Мозг лихорадочно искал пути спасения... Шест? Оттолкнуть? — Не достать... Расстрелять?... Под таким углом ничем не возмешь...

— Человек за бортом! — прервал мысли сигнальщик.

Кто? Минер! Мочалкин! Вынырнув рядом с миной, одной рукой он уперся в мину, а другой стал отчаянно грести. Ноги бешено работали кролем... медленно, словно нехотя, рогатое чудовище двинулось от жертвы. Борт корабля высоко вздыбился над минером, казалось, сейчас опустится прямо ему на голову и раздавит его вместе с миной... Мочалкин продолжал яростно грести в сторону от корабля. Но мина не хотела так легко сдаваться... Она все медленнее и медленнее двигалась и, наконец, встала совсем... Вероятно, трос натянулся и держал ее у борта... Снова яростный рывок Анатолия, будто бы немного удалось сдвинуть мину с места... Корабль, затаив дыхание, следил за гоединком... Все продолжалось считанные минуты... Силы покидали минера... Окоченевшие руки уже не могли держаться за обледенелую сталь... Мочалкин теперь упирался в мину головой и греб обеими руками... Но мина стояла на месте и, казалось, даже, двигалась обратно к борту. Минер перестал грести... Кто-то из новичков ахнул... Переведя дух, Мочалкин коченеющей левой подтянулся за рог мины и, приподнявшись над ней и, казалось, над всем миром, со всей силой ударил правой рукой по взрывателю... Корабль сильно трянуло...

Кольский, как всегда, встречал нас зарядом... Снег, льдинки с водой, с силой били в лицо, резали кожу, рвали одежду, сбивая с ног и словно стараясь вернуть нас обратно, в океан, к тем кто навечно остался там, в море... И только Абрам-карга приветливо и, казалось, немного грустно мигала своим зеленым глазком, словно приглашала нас к пирсу.

— Снова "на якорь встала," Абрам-карга-то. — Пытался пошутить кто-то из новеньких, но никто не поддержал шутку. Только кок, как-то вроде не к месту с тоской прошептал:

— А я ему пожалел... компота —

Корабль подходил к причалу с приспущенным флагом

Прошло 40 лет... Меня часто спрашивают, а какой он был Мочалкин. Как выглядел, что любил, какое "хобби"?.. А я не могу ничего сказать... Не помню. Как не помню о своих однокашниках — Александре Матросове или Саше Ковалеве, о которых меня тоже часто спрашивают.

С Александром Матросовым я учился в одной школе. Она располагалась на самой окраине Старой Уфы. Километрах в пяти от города, в старом монастыре была детская колония... В ней были большей частью просто беспризорники. Некоторым из них разрешали без конвоя ходить в нашу школу. Их было немного, учеников из колонии. Мы их всех хорошо знали. Был среди них, ставший потом легендарным, Саша Матросов... Но какой он был — не помню...

Сразу после войны меня многие совестили:

— Ты же учился вместе с ним, твоя мать работала в колонии, ты больше всех туда бегал... Вспомни...

— Да помню, "учился"... "работала"... "бегал".. Но зрительно Матросова никак не могу представить...

О Саше Ковалеве тоже спрашивают. Особенно пионеры Звездного городка. Их дружина носит имя моего однокашника по школе юнг Ковалева... Пионеры задались целью — разыскать всех сослуживцев Саши Ковалева, геройски погибшего на Севере. Девочка Лена три года "атаковывала" меня письмами, звонками.

— Приезжайте, расскажите...

Я не мог выбраться... Наконец, поехал в Звездный... У поезда меня встречали и Лена и все пионеры отряда Саши Ковалева... Было волнительно до слез... Лена — оказалась дочкой космонавтов Терешковой и Николаева.

Было неловко, что я так долго ее мучал отказами приехать...

— Расскажите о Ковалеве. Ведь Вы были с ним в одной землянке, вместе строили школу юнг, вместе попали на Север...

— Да, действительно, мы вместе жили зимой в неутепленных палатках на Соловках, без спальных мешков. Только в январе закончили долбить котлованы в скалах и наконец, переселились в землянки... Да, потом мы в числе 50 лучших выпускников вместе с Ковалевым добирались в Мурманск по дороге, которая переходила из рук в руки...

— Да вместе воевали на Севере... Но вспомнить о Саше ничего не могу.. Не могу даже сейчас представить зрительно его образ...

Парадоксы памяти. Перед школой юнг, в том же 1942 г. я работал токарем на заводе Горного оборудования. Делал снаряды для "катуш", мины. Работали по 12 часов, без выходных. Отстоял 12 часов ночью у станка... Не успел добраться до дома, искупавшись по пути в речке (ведь всего-то было 14 лет), как уже опять надо на смену. 12 часов монотонной работы — один и тот же станок, одна и та же деталь, одна и та же операция... все это утомляло... Засыпали за станком, у меня до сих пор все руки в шрамах от попадания в станок... Засыпали в туалетах... Все это помню очень хорошо. Помню лица мастеров, старших токарей... Добрых и, особенно, злых... Дети беззащитны перед злыми начальниками... А вот лица Мочалкина уже не помню четко...

А может быть, его фамилия была и не Мочалкин? Фронтовые друзья, с которыми я делился воспоминаниями — старшина сигнальщиков с 122-го "тамика", Петр Яковлевич Митин (сейчас полковник в отставке, навсегда сменивший родное курское село на Север и до сих пор проживающий в Архангельске), радист с нашего тральщика Якушин Александр Андреевич, (проживающий в Северодвинске), мой бывший ученик — рулевой с "тамика" 122, а теперь известный капитан научного судна "Ромбак" — Михаил Ужинкин, (симбирец, но до сих пор не оставивший северные моря), говорили мне, что Мочалкин вроде бы жив, до сих пор плавает на Севере, а взорвался другой. Может быть. Прошло много лет, фамилии стали забываться... Наш лайнер подходил к Земле Франца Иосифа.

3. Земля Франца Иосифа и Карское море

До самой северной точки Евразийских островов — Земли Франца Иосифа мы шли всего чуть более двух суток. 5 сентября вышли из Мурманска, а 7 вечером были уже у самого северного архипелага Евразии.

В войну было сложнее. Иногда на этот путь уходила вся жизнь. Здесь полегло много караванов. Нам, тральщикам, приходилось прочищать от мин пути для них. Караваны судов особенно активно шли через Баренцево море, начиная с 1942 г. Мой однокашник по школе юнгов, с которым мы жили целый год в одной землянке — Валентин Саввич Пиккуль, хорошо рассказал о том, как шли караваны из США и Англии в книге "Реквием по каравану PQ 17". Всего в

1942—1945 гг было проведено 407 караванов. Из США и Англии они шли под номерами PQ, а обратно — QP. PQ 17, описанный В.Пикулем только один из них. Вышли из Англии 34 судна, а прошло через Баренцево только 10... 24 -- погибло. Немецкие самолеты преследовали часто караваны вплоть до Архангельска. Их бомбили даже на рейде Северной Двины, это я впервые увидел, когда летом 1942 года мы — будущие юнги выгружались из теплушек в Архангельске.

Сейчас все просто. Суда быстроходны и огромны. Им не страшны ни мины, ни штормы.

Однако пробираясь через льды около бухты Тихой, где когда-то зимовал великий Георгий Седов и откуда он отправился в свой последний путь к Полюсу (ему так и не удалось выйти за пределы Земли Франца Иосифа, там его прах покоится до сих пор), мы получили пробоину. Даже в 1985 году мы чуть не затонули во льдах. Это и сейчас суровые и опасные места...

Архипелаг Земли Франца Иосифа был открыт в 1873 г. австрийским путешественником Юлиусом Пайером. Кроме Седова здесь побывали и великий Нансен и известный полярник из США Ф.Джексон, сюда прилетал Амундсен на дирижабле в поисках Нобиле, здесь работал Кренкель, Папанин и многие другие ученые и путешественники.

Вначале полярников влекла сюда мечта. В то время считалось, что теплое течение Гольфстрим упирается в огромные "Земли Паттермана и Оскара" и, омывая их, создает здесь чуть-ли не райские теплые условия. Известный ученый В. Обручев написал даже специальную повесть о них: "Земля Санникова". Эта книга вышла в 1926 году, когда уже стало ясно, что никакой "Земли Паттермана и Оскара" с пальмами и диковинными животными здесь нет. Но мечта о такой Земле водила рукой Обручева, вела она сюда и многих исследователей и полярников.

Многим она стоила жизни. Только русский штурман Валериан Иванович Альбанов, пройдя пешком в 1914 г. по льдам по "Земле Паттермана" и "Оскара" установил, что они не существуют. Во время 3-х месячной пешей "прогулки" по льдам к ЗФИ (так сокращенно называют Землю Франца Иосифа) он потерял из 14 спутников — 12. В живых осталось только 2.

Остальные до сих пор покоятся на дне океана у Земли Франца Иосифа. Как раз там, где в 1985 году мы получили пробоину, пробираясь через льды между островами архипелага.

Льды здесь вечны. Они занимают почти 90% поверхности островов Земли Франца Иосифа. Лето здесь короткое.. На острове Хейса, где сейчас работает постоянная полярная обсерватория АН СССР, в 1985 г.

не растаял лед даже на маленьком озере. За год снега и льда накапливается так много, что он не тает за лето, а лишь подтаивает, превращаясь в лед. Спрессовываясь, толщи льда сползают в океан, и отламываясь становятся огромными айсбергами. "Титаник", как известно, лишь слегка задев такой айсберг, затонул.

Нам повезло больше. Мы двое суток таранили льды у ЗФИ, тоже получили солидные пробоины, но остались живы. В столь рискованную ситуацию мы попали, в общем-то, из-за нелепости. Дело в том, что в последние годы по Северу стали рыскать самостоятельные экспедиции. Заручившись мандатом от какой-либо солидной газеты, они, в нарушение всех законов, добирались до заброшенных поселений и собирали там "сувениры" — орудия древнего человека, украшения, предметы быта и т. д.

Закон об охране памятников истории и культуры разрешает такие работы только специально подготовленным профессионалам — археологам, этнографам, искусствоведам и т. д. Причем, разрешение на такие экспедиции — Открытые листы — продляются лишь после проверки научного отчета и документов о сдаче собранных вещей на таких поселениях в государственные музеи. Самостоятельные экспедиции ничего подобного не делают. Собранные ими ценные исторические источники раздаются кому попало, расходятся по частным коллекциям, или просто выбрасываются. Не имея специальной подготовки, такие любительские "экспедиции" лишь разрушают памятники. К сожалению, ослепленные звонкими мандатами, многие должностные лица оказывают помощь таким разрушителям, и часто расположены к ним более благоприятно, чем к профессионалам. В этом мы сами убедились на ЗФИ.

Мы, это я, автор этих строк, и Вадим Александрович Ранов. Оба мы — профессиональные археологи. За плечами у каждого — десятки лет работы в археологических экспедициях, сотни открытых и исследованных памятников.

Памятник — это не только остатки древнего города или другого крупного поселения, но и просто находки древних орудий или других предметов. Это — любой предмет хранящий память о прошлом.

И Ранов, и я — специалисты по каменному веку. Где, когда, почему и как выделился человек из мира животных? Когда и какими путями он впервые проник на территорию нашей страны? Вот вопросы, которые мы денно и ночью обсуждали с Рановым на борту "Еланской". В.А. Ранов недавно открыл в Таджикистане одну из самых древних стоянок на территории СССР. Честно говоря, в Арктический круиз мы отправились с тайной надеждой найти новые решения наших проблем.

Дело в том, что в последние 20 лет самые сенсационные находки были в Африке. Они удрешили нашу историю в 5 раз. Если до них мы считали, что человек появился около 0,5 млн. лет, то в Африке были найдены стоянки возрастом более 2,5 млн. лет. Споров о них было много. Рассмотрев все "за" и "против" в книге "У истоков человечества" (Мысль, 1982 г.), я пришел к выводу, что колыбелью человечества мог быть только восток Африки. Там во время появления человека активно действовали вулканы, изливавшие радиоактивную магму, там в то время образовались естественные реакторы и т.п. Все это резко повысило радиационный фон на сотни тысяч лет и вызвало мутации — искривления наследственности, в результате чего у обезьян стали рождаться прямоходящие голые существа с большим мозгом — предки человека. Все как будто-бы стало я во. Но вдруг археолог Ю.А. Мочанов находит стоянку у Якутска, которую он объявляет не менее древней, чем африканские. Если он прав и родина человека находится на Сегере, то стоянки древнекаменного века должны быть здесь всюду — и на ЗФИ и на Диксоне. Если он не прав, то стоянок на Севере не будет. Это мы и решили попытаться проверить во время Арктического круиза.

Осмотр острова Хейса ничего не дал. Здесь не было выходов подходящего для изготовления каменных орудий, сырья. По нашим предположениям, такое сырье — должно быть на острове Гуккера. Вот почему мы обрадовались, когда услышали, что наш лайнер будет делать незапланированный заход в бухту Тихую на острове Гуккера.

В бухте Тихой была последняя база великого исследователя Георгия Седова. Здесь зимовало его судно "Св. Фока". Здесь была первая база наших полярников. Сюда прилетал на дирижабле Амундсен, здесь бывали Папанин, Кренкель и многие другие полярники. Здесь как в холодильнике десятки лет сохранялись даже продукты (так, что их можно было есть и сейчас), здесь много можно было найти личных вещей известных полярников. А это была большая приманка и для самостоятельных экспедиций. Ведь такие вещи на черном рынке стоили много.

На удивление нас в бухту Тихую не взяли. Оказалось, что на нашем борту присутствует представитель одной из самостоятельных экспедиций, некто Юзеф. Он и пошел на шлюпке с членами команды и дирекцией круиза. А нас, профессионалов, не взяли, несмотря на наши чуть ли не слезные просьбы. Хотя на борту не было других специалистов по изучению остатков заброшенных поселений человека.

Собранные на берегу бухты вещи полярников были частично выложены в кают-кампании для того, чтобы любой мог взять себе "на память" все, что захочет. Там были обрывки старинных фильмов, запальные свечи прошлого века и другие предметы. Круизники и брали их "на память". Никакой речи о том, что это нужно зафиксировать и сдать в музей не было. Юзеф показал нам и камни, собранные им на берегу. Там были и кремни. Значит догадка была правильная. К сожалению, Юзеф ничего не понимал в камнях и собрал лишь те, которые не имели никакого научного значения, но "были красивыми".

Так неудачно кончилась поездка в Тихую. Теплоход при этом получил крупные пробоины. Жизнь 200 туристов и экипажа была поставлена под угрозу. Все надежды были теперь на Карское море.

Карское море обычно очень суровое, здесь всегда штормы и льды. Известно, что здесь нашли гибель многие экспедиции. В 1912 году экспедиция В.А. Русанова, отправилась со Шпицбергена на шхуне "Геркулес" и исчезла навеки в Карском море. В том же 1912 г. шхуна "Св. Анна" в 8 милях от берега полуострова Ямал была захвачена льдами, унесена ими к северу за ЗФИ и через 2 года дрейфа во льдах, спасся только штурман В.И. Альбанов, пешком отправившийся по льдам к ЗФИ и один матрос. В годы Великой Отечественной войны здесь был фашистский аэродром. Ну и, помимо природных невзгод, свирепствовали фашистские крейсера и подводные лодки. В 1944 году здесь погибли многие из моих близких друзей с тральщиков 114 и 118.

Наши войска тогда уже наступали во всех фронтах. Было решено обновить состав полярных станций. Огромный теплоход, купленный в США "Марина Русакова", загрузив около 7000 тысяч тонн груза и 354 пассажира (в том числе 116 женщин и 20 детей) в сопровождении трех наших военных тральщиков 114-го, 116-го и 118-го вышел из Архангельска к Диксону. 12 августа 1944 г. в 60 милях западнее о-ва Белый они попали в западню немецких подлодок. Подлодки фашистов были оснащены новейшими акустико-магнитными торпедами. Вначале была торпедирована "Марина Раскова". Это было мелкое для подводных лодок место и взрывы торпед нового типа очень походили на взрывы магнитных мин. Приняв торпеды за мины 118-й тральщик стал подбирать тонущих женщин, детей и других пассажиров с "М. Расковой". Когда корабль был полностью загружен спасенными раздался взрыв 2-й торпеды. 118-й пошел ко дну. Пассажиры и команда снова оказались в воде. Теперь тральщик № 114 стал подбирать тонущих, в то время как 116-й бомбил подлодку. На 114-м собралось почти полторы сотни пассажиров с "Марины Расковой". Остальные были погружены на шлюпки и кунгас. Третья торпеда подорвала 114-й тральщик. В третий раз спасенные попали в ледяную воду. 116-й повернул к базе. Одна фашистская подлодка всплыла и

устремилась в погоню за последним тральщиком, не обращая внимания на тонущих людей...

Начался шторм. На море пал туман. Попытки наших самолетов разыскать тонущих не дали результата. На плаву остались три вельбота, кунгас и шлюпки. На вельботах было около 30 человек, столько же на шлюпках, а на кунгасе — 85, большей частью женщин и детей. Ни на одном из спасательных судов и шлюпок не было мотора. Только весла и на одном катере — парус. Там, где были военные матросы, порядок был четкий. Там спаслись почти все, кто не был ранен. Женщины и дети были окружены заботой, им отдали все, что было у моряков. Матросам на углых шлюпках удалось догresti до материка. Там они двинулись пешком по тундре. Потом их разыскали самолеты.

Хуже было на кунгасе. Здесь только кок с "Марины Расковой" сумел прихватить воду и продукты, но давал он их лишь приглянувшейся женщине и одному холую. Женщины и дети замерзали. В изнеможении они лежали на дне кунгаса. Не было ни воды, ни пищи. Мокрая одежда быстро леденела на ветру. Начались болезни. Раненые умирали. Трупы не было уже сил выбрасывать за борт и они лежали рядом с умирающими. Особенно страдали все от жажды.

Осложняли поиски туман и шторм. Самолеты и корабли были бессильны отыскать шлюпки и вельботы.

Когда чуть развеялся туман, один из гидросамолетов заметил кунгас. Самолет сел на большую волну, рискуя никогда не подняться. Подрулив к кунгасу, летчик бросил в него бачек с водой и спустил на воду резиновую лодку... В нее бросились кок и его холуй, утопили ее, и полезли в самолет... Летчик сказал — Либо женщины и дети, либо никто... (Так рассказывал летчик и спасшиеся с кунгаса в 1944 году. Сейчас пишут несколько иначе. Например, по книге "В конвоях и одиночных плаваниях", опубликованной в Архангельске в 1985 г., (с. 130) летчик С.В. Сокол кричал людям на кунгасе, чтобы они прыгали в воду и плыли к самолету, но у них, видимо, уже не было для этого сил. Они ползли к бачку с водой и никто из них не прыгнул в воду...)

Самолет не мог оставаться больше на бурных волнах и вынужден был взлетать пустым... Поднялся шторм... На шестой день умерших было уже 26 человек... Бушевал шторм... Через 11 дней самолеты вновь нашли кунгас... Из 85 человек в живых осталось 14. Один из них умер уже в самолете...

Мы шли там где погибла "Св. Анна", "Геркулес", "Сибиряков", "Марина Раскова" и многие, многие другие... Шли к Диксону с креном.

4. К Диксону

"Который день пурга качается над Диксоном" — поется в известной песне. Но нас пурга не страшила. Для нас Диксон был далеко на юге. "Знанская" шла с заметным креном. Скорость хода замедлилась. Морская вода проникла уже в цистерны с питьевой водой. Из кранов в каютах временами шла соленая вода. Начались спасательные учения. По тревоге мы надевали спасательные жилеты и выходили на палубу. Вспоминая случай с "Мариной Расковой", когда из 354 пассажиров и трехсот человек команды трех кораблей спаслось всего 145, я понимал, что надежды мало. Ведь мы находились намного севернее. До Мурманска было 1900 км. Наш маршрут проходил через те самые места, где так часто бесследно исчезали полярные экспедиции. Имени э здесь, севернее Новой Земли пытался пройти Русанов со своей экспедицией и исчез где-то здесь навеки. Кто знает может его останки лежали где-то прямо под нами. Здесь погибло много судов. "Св. Анну" затерло льдами чуть ли не в тысяче километров южнее, у полуострова Ямала, неподалеку от Вайгача, а притащило сюда. Там, чуть севернее острова Белого погибла и "Марина Раскова" и два родных моих тральщика 114 и 118-й. Мы шли намного севернее. А вода прибывала...

Да, именно сюда принесли льды от Ямала экспедицию лейтенанта Брусилова и штурмана Альбанова, после двух лет дрейфа.

Льдов мы ждали особенно тревожно. Они могли в любую минуту заполнить все Карское море и тогда нам не пробиться к Диксону. Наши пробоины тогда бы окончательно погубили судно и надежды на спасение было немного.

Правда, тревожила обстановка, кроме команды, пожалуй только меня одного. Остальные 200 пассажиров — круизников беззаботно отплясывали в музыкальном салоне. Они ничего не знали ни о "Марине Расковой", ни о экспедициях Русанова и Брусилова. Не придавали они никакого значения и тому, что в кранах текла уже соленая вода.

А экипаж вел себя достойно, официанты и бармены по-прежнему были элегантно и предупредительны. Ежедневно показывали по 2 — 3 захватывающих фильма, танцы в муз. салоне продолжались до полуночи, а бар работа — до 4-х утра.

Только мне одному было тревожно... Однако нам везло. И везло необычайно...

За все восемь лет службы в северных морях, я ни разу не видел такого спокойного и безледного Карского моря...

Конечно это могло в любую минуту измениться...

Пассажирам это было невдомек. Они радовались. Впервые не было качки. Все, кто болел от нее, вышли на палубу, радовались

полярному солнцу и по ночам лихо отплясывали... — "Как на "Титанике" — с грустью думалось мне. Но мою грусть никто не разделял. Я был единственным ветераном Северного флота... И всем непонятным. Такая хорошая погода, а я что-то размышляю на мостике в одиночестве... Некоторые дамы просто возмущались.. — Итак мало кавалеров, а он манкирует..."

Но плясать над могилой моих боевых товарищей, лежащих на дне Карского моря, может быть прямо под килем нашего теплохода, я не мог... Я стоял на мостик и снова вспоминал войну... Диксон.

На Диксоне в 1942 г. произошла, пожалуй, самая дерзкая во всей войне чисто русская удалая операция. Дело было в том, что Северный флот не имел крульных кораблей: ни крейсеров, ни линкоров у нас не было, только эсминцы, тральщики, подлодки и катера, не считая торговых судов названных военными, но оставшимися попреж-

нему торговыми тихоходными судами. Они не имели никакой защиты, их борт можно было прострелить из обычного пулемета и потопить. Это были практически беззащитные суда. На них поставили мало-мощные пушки 75 или 45 мм, добавили к гражданскому экипажу по пятку артиллеристов и пулеметчиков, пару минеров и десяток бомб и все. Основная команда оставалась по-прежнему гражданской, а судно торговым, хоть его теперь и называли "Сторожевым кораблем" (СКР) или "Минным заградителем" (Минзаг). Таким СКР и был и "Дежнев" и "Сибиряков", находившиеся в августе 1942 г. неподалеку от Диксона.

Фашисты располагали мощным флотом. Помимо десятков подлодок, множества эсминцев и тральщиков у них был на Севере линкор "Тирпиц", энергии которого хватило бы для всего города Ленинграда, и, кроме того, четыре крейсера — "карманных" линкора. Водоизмещение их было чуть меньше, но оружие такое же как на линкорах. Их называли рейдерами, так как они могли самостоятельно по многу месяцев вести боевые операции на море.

Один из таких рейдеров "Адмирал Шеер" и подошел к Диксону в августе 1942 г. Неподалеку от острова ему встретился "Сибиряков".

"Шеер" мощными залпами подбил судно, которое не дало возможности захватить его в плен, так как капитан Качарова приказал открыть кингстоны и затопил подбитое судно. Из 100 человек команды и 7 женщин—пассажиров спаслось 18 человек, из них 17 вместе с капитаном попали в плен на рейдер и были отправлены в немецкий концлагерь, где они и пробыли до конца войны, а один матрос вплавь добрался до необитаемого острова и там сидел на голых скалах несколько дней, пока его не снял наш самолет.

А "Шеер" двинулся к Диксону. Он свободно мог расстрелять все суда на рейде, так как ни одного настоящего военного корабля там не было. Там был "Дежнев", который перегружал 152 мм береговые батареи и еще два небольших судна, один из которых привез взрывчатку и еще не успел выгрузиться.

По величине "Дежнев" был почти такой же как и крейсер, но это было беззащитное торговое судно, по-сути, хоть и на нем были поставлены 75 мм пушки.

У "Шеера" было 6 орудий 280 мм, 8—150, 6—105, 8—37 и он мог одновременно выпускать 8 торпед. Пушки "Дежнева" не могли даже пробить броню крейсера, т.к. она была рассчитана на 280 мм защиту.

В общем и остров и порт и вход в Енисей были по сути беззащитны. А там Дудчка и около нее Норильск, где в то время как раз освоили производство никеля для брони танков.

Все это могло погибнуть, если бы не русская смекалка лейтенанта Н.М. Корнякова. Он развернул выгруженные на причал 152 мм орудия береговой батареи и безо всякого их закрепления открыл огонь по крейсеру, да так, что его снаряды летели через "Дежнева". И с первых же двух выстрелов попал в крейсер.

"Шеер" открыл огонь по "Дежневу", который поставив дымовую завесу двинулся выбрасываться на мель. Начал опускаться туман, темноло.

"Шеер" решил, что попавшие в него снаряды — выпущены с "Дежнева". Значит это неизвестный немцам новый крейсер русских. Рейдер поставил завесу и зашел с другой стороны острова. Но как только он очутился на траверзе "Дежнева" Корняков, сумевший к тому времени перетащить огромные 152 мм пушки на скалы и развернуть в сторону подошедшего рейдера, снова выстрелил. И попал. На крейсере начался пожар... Все это было невероятным.

Береговые батареи могли стрелять только после того, как каждая пушка будет закреплена в специальном бетонированном фундаменте, отцентрована, стабилизирована. А тут, не закрепленные и полуразобранные, приготовленные к погрузке пушки, стали стрелять прямо с причала, со скал. И самое удивительно — попадать в цель.

Пожар на корме крейсера напугал фашистов. Они знали, что на севере самое крупное военное судно — лидер "Баку" и эсминцы типа "Гремящий". На их палубах самое крупное орудие имело диаметр ствола — 130 мм. А тут стреляли 152 мм орудия. И мачты и трубы "Дежнева", из-за которого летели снаряды, выглядели внушительно...

Значит русские заимели крейсер? Или какое-то мощное новое военное судно? А вдруг этот крейсер развернется и выйдет в море...

Фашистам стало страшно и "Адмирал Шеер" позорно бежал с поля боя, оставив его лейтенанту Корнякову и его помощникам, которые уже не могли стрелять, ибо орудия не установленные на лафеты больше нельзя было использовать для боя. "Дежнев" получив пробоины выбросился на мель... Победа была бы в руках фашистов, если бы они учли русскую смекалку и дерзость и судов стоявших на рейде Диксона, и батареи Корнякова. Эта невероятная дерзость и спасла и Диксон и Енисей...

А на подходе был большой конвой наших полярных судов, за которым гнался "Шеер". Их гибель была бы неминуема... Выстрели Корняков на минуту раньше, когда "Шеер" был в стороне от линии полета снарядов через "Дежнева", и фашисты бы догадались, что это стреляют с берега и тогда бы они просто смели батарею Корнякова со скал... Однако фашисты были уверены, что в них бьют с "Дежнева", хитрость дежневцев и корняковцев удалась полностью. Это была не просто гениальная интуиция, а расчет, точный расчет на туман, шторм, плохую видимость. Они были союзниками наших моряков и врагами фашистов. Суровый Север помогал родным детям — его хозяевам...

Наш лайнер дошел, наконец, до Диксона, начался ремонт и экскурсии в порт и на о-в Диксон.

В школе в порту есть музей. Это единственный музей на Диксоне. Здесь бывают все кто посещает Диксон. А бывают здесь многие. Это важный порт между Европейским и Азиатским берегом Евразии. Здесь перевалочная база всех кто идет из Архангельска и Мурманска на восток и в обратном направлении. Отсюда уходят все грузы с Енисея. Железной дороги пока нет и все сообщение со страной здесь через Енисей и Диксон или самолетами. А край здесь огромный. И Диксон важный порт.

Бывают здесь и туристы. Нас тоже привезли в музей диксоновской школы. Две комнаты. В одной огромная для маленькой комнаты схема сражения "Дежнева" с "Шеером". Выставлены вещи некоторых участников боев в Заполярье. Школьники с увлечением рассказывают о сражениях у Диксона. По неумелости оформления, видно, что все сделано руками детей. Спасибо им.

Но могли бы помочь им и местные власти, да и школьные тоже. В школе есть отличная художественная студия. Руководит ее профессионал. Картины студии выставляются в больших городах. Они

превосходны, однако, нет ни одной такой картины в местном музее. И вообще студия могла бы хорошо оформить музей, да, видно, и здесь уже стала сказываться ведомственная разобщенность...

На месте откуда вела огонь батарея Корнякова стоит современный памятник. Скромнее памятник на острове Диксон, на нем изображен в полный рост матрос — североморец с автоматом. У памятника свежие цветы. Народ помнит своих защитников, на постаменте имена погибших на "Дежнев" ... Здесь часто собираются ветераны — североморцы. Они следят за памятниками. И хорошо, что школьники принимают эстафету. Конечно, это инициатива энтузиастов учителей... Но ведь и они не вечны. Забота местных властей не очень заметна. А жаль, очень жаль... Без памяти невозможно воспитать патриотов... Да, и угрозы войны еще сохранилась. Стоили бы задуматься "кому следует", как это у нас говорится. Особенно после 27 съезда КПСС. И есть над чем. Порядка здесь стало меньше, чем в годы войны.

Двое суток работали водолазы, заваривая дно нашего лайнера на Диксоне. Наконец, "Еланская" двинулась в Дудинку и оттуда туристов повезли знакомиться с самым северным городом страны — Ночьюльском. По самой северной железной дороге. Через два дня наш лайнер лег на обратный курс — к Вайгачу.

5. Вайгач. Канин нос

Вайгач, остров архипелага Новая Земля, мимо которого проплыли многие полярники. Здесь прошла последний раз в 1912 году и шхуна "Св. Анна" с Брусиловым и Альбановым, которую занесло отсюда к северу от ЗФИ. Во время вынужденного двухгодичного дрейфа во льдах, в команде начался разлад. Альбанов с 13 матросами пешком пошел по льдам к островам Земли Франца Иосифа. В живых, как я уже говорил, осталось двое, из 24 членов экспедиции.

В войну здесь была наша маленькая база. В бухте Варнека для нас пекли хлеб. По шесть месяцев в море без свежего хлеба трудно. Здесь же брали мы пресную воду. Ее возили на шлюпках в резиновых мешках. До 1948 года вели мы боевые тренировки в Югорском шаре. Много разных воспоминаний связано с этими местами. И грустных и веселых. Уже после войны, чтобы ускорить доставку воды на Тамик, мы придумали нагреть побольше мешков и фляг с водой на самодельный плотик и отбуксировать его к тральщику. Вначале все шло хорошо. Однако когда плотик уже подбуксировали совсем

почти к борту корабля, налетела бора — сильный внезапный ветер. Плот оторвало от шлюпки и понесло в море... Много часов мотало меня среди штормовых волн, от удара которых плотик стал разваливаться. От ледяных потоков, которые окатывали меня с головы до ног, я закоченел. Когда меня выловили и отогрели, то оказалось, что у меня лопнула барабанная перепонка. Так под новый год я очутился в госпитале в Архангельске... Очень хотелось встретить 1947 год в компании друзей, а не на больничной койке. Друзья принесли мне брюки, а остальное — пальто, шапку, валенки, должны вручить у входа. Когда я ускользнул от дежурного врача и выскочил во двор, где должны были меня ждать с одеждой, никого у входа не было. Обратного возвращаться не хотелось и я, как был в тапочках, полез по снегу в сторону от улицы Виноградова, куда выходил главный вход госпиталя. Там на Петроградском проспекте, параллельном улице Виноградова, в двух кварталах от госпиталя на квартире собрались мои друзья. Я рванул к ним, увязая по пояс в снегу. Когда перелез через забор, то оказалось, что я "рванул" в противоположную сторону и оказался опять на главной улице... Пришлось шагать в больничных тапочках по лютому морозу, в больничном халатике по главной улице еще два лишних квартала под взглядами прохожих... Добрался окованым, встретили друзья с восторгом... Новый год прошел хорошо... Кстати, знакомая, у которой встречали 1947 год, незадолго перед этим была изрядно озадачена моей радиограммой с Вайгача...

С этой девушкой я случайно познакомился на Архангельской почте, где проводили многие из нас значительную часть редких увольнений на берег. Здесь и знакомились, а часто потом и женились многие из моих боевых друзей... Познакомился и я, но мы тут же ушли в море. Естественно на корабле, вращаясь шесть месяцев среди тридцати членов экипажа, обсуждали не раз все береговые приключения и, конечно же, этих девушек... Много говорилось и о моей знакомой. Но я был сдержан в разговорах о ней. Мы только успели обменяться адресами, я ничего о ней не знал. Моим друзьям не терпелось разыграть меня... Командир соседнего тральщика как раз получил радиограмму от жены через почту в Хабарово. В ответ на сообщение мужа о том, что он купил у ненцев рога, она в шутку советовала оставить их в тундре, так как она могла бы наградить его более ветвистыми в Архангельске. Над юмором жены командира смеялся весь дивизион. Старпом нашего тральщика капитан-лейтенант Осадчий, поддавшись на уговоры моего друга сигнальщика П. Митина и решил разыграть меня. Они сочинили "радиограмму" от моей знакомой и стали под-

бывать меня на посылку ответа... Я долго недоумевал почему моя случайная знакомая решила мне послать такую теплую радиограмму и не розыгрыш ли это. Но 3 дня шутянки строго выдерживали серьезность... Старпом все время назначал меня командиром шлюпки, отправлявшейся на берег за почтой и продуктами в Хабарово. Гром смеха встретил меня тогда, когда я поддавшись им послал свой ответ... Девушка в Архангельске была удивлена. Но Новый Год мы встретили у нее дома... И неплохо... Правда от госпитальных врачей мне здорово попало, когда я под утро вернулся в палату... Однако барабанная перепонка заросла. Мне было всего 19 лет...

Теперь все это вспомнилось на траверзе Вайгача.

Из-за пробоины наш теплоход потерял двое суток и капитан решил на Вайгач не заходить. А жаль, здесь до сих пор живут олениводы, посмотреть на быт которых интересно. В войну эти простые и честные необычайно люди помогали нам всем чем могли, они снабжали нас и мясом и шкурами, а главное — сердечным участием к нашей нелегкой службе.

Мы прошли мимо Вайгача и хоть наша "Еланская" все еще шла с течением, благополучно добрались до Каниного носа. Здесь погиб в 1947 году один из моих товарищей. Тогда мы вели боевое траление фарватера вдоль Каниного носа, того самого по которому шел сейчас наш лайнер, а до него проходили безопасно тысячи других судов. А безопасность эта была куплена дорогой ценой... Для того чтобы гарантировать свободу прохода для судов, тральщик должен был протюжить с тралами каждый сантиметр моря не менее 15 раз. На море нет асфальта и легко пропустить какой-нибудь небольшой участок. А там как раз и могла лежать магнитно-акустическая смерть. Чтобы точно и безупречно протралить с гарантией проход для судов у Мадахи (так называется мыс Каниного носа), на берегу у нас стояли теодолитные посты, которые проверяли точность курса... Начиная шторм, нужно было снять посты и доставить всех теодолитчиков на корабль. Нас было пятеро, когда мы последний раз попытались отойти от берега и добраться до стоящих на рейде своих пловучих домов. Шторм уже разыгрался и на шутку... Четыре раза волна переворачивала нашу шлюпку и швыряла ее обратно на берег. В пятый раз один из моих товарищей не выдержал ледяных ванн... Снова приспущен флаг на тральщике... Снова залп над могилой товарища. Снова письмо родным: "Погиб при выполнении боевого задания..." Хотя шел уже 1947 год... Но для нас война еще не кончилась. Выдавали нам по-прежнему и боевые (тральные) сто грамм...

Мадаха скрылась в тумане... Мы вошли в Белое море... Приближались Соловки, а с ними всплывали другие воспоминания о службе в военно-морском флоте. Ибо здесь в 1942 году я получил морскую специальность рулевого, здесь прошел первую морскую практику на мотоботе и шлюпках, здесь стал классным специалистом Северного флота...

6. Соловки

Соловки встретили нас штормом. Сутки почти мы "отлеживались" в дрейфе в Онежском заливе и подошли к островам только после того как шторм немного утих. Пробойна давала себя знать и капитан не решился рисковать, подходить к острову при волне... Впервые Соловки увидел туманным утром лета 1942 года. Тогда тоже штормило и довольно основательно. Небольшое госпитальное судно поместило в трюме нас — будущих адмиралов флота... Большая часть которых с желтыми от морской болезни лицами, либо лежали на койках, либо держась за животы, склонились над бортом. Они отдавали морю весь выданный на три дня морской паек. Их выворачивало наизнанку. Я тоже почти весь паек съел за один присест. Но через несколько часов качки снова разыгрался аппетит. Сказывались голодные карточные дни зимы 1941—1942 гг...

— Будешь хорошим моряком —, сказал мне сопровождавший нас старшина. — Молодец, не укачиваешься. —

Я действительно неплохо переносил качку. Но моей личной заслуги здесь не было. Сказалась наследственность, гены.

Мощные стены и башни Соловецкого Кремля необычайно поразили нас. Многотонные глыбы, из которых они были сложены, напоминали изображенные на картинках школьных учебников древнеегипетские пирамиды... Неужели и здесь десятками лет трудились сотни тысяч рабов...

— Нет —, сказал старшина Алексей Исаев, — Какие рабы, всего 250 монахов построили это чудо всего за 14 лет, а вот те громадные соборы — один за 5, а другой — с 40-метровой башней — всего за 8 лет... Там сейчас камбуз. Покормят вас и по кельям монахов — кубрикам, отдыхать...

— Было уже темно, когда мы высадились на берег и рассмотреть весь Кремль не удалось. Во время ужина, мы с интересом разглядывали побеленные стены собора, где на огромной высоте виднелись какие-то непонятные картины-росписи. В Преображенском соборе, превращенном в морской камбуз (столовую для школы Юнг),

вмещалось сразу половина всей школы юнгов. После ужина нас развели по "Кубрикам". Массивные стены, лестницы, длинные мрачные коридоры. На монументально сбитых из дуба дверях, видны слегка забытые фанерками "глазки". — А это для чего? — шепотом спрашивали мы друг у друга... Осведомленные "старожилы", на неделю раньше нас прибывшие сюда мальчишки, объясняли:

— Всего три года назад здесь была тюрьма. А еще раньше тут жили монахи. Ну те, которые все это построили...

Старшина Исаев подтвердил сведения. И многое рассказал нам об истории Соловков. О библиотеке, обрывки книг из которой мы иногда находили в окрестностях монастыря. Постарались наши предшественники. Юнги бережно собирали их и сдавали в библиотеку. Воспитатели у нас были культурные, они старались привить нам уважение к прошлому России... И мы жадно внимали им. От них мы впервые узнали, что на Соловках проходило не только наше детство. Здесь и молодость русского искусства и архитектуры. Здесь памятники славы духа и мощи русского человека, его пытливого и неспокойного характера.

Здесь, памятники русского свободолюбивого характера и показатель того, что может русский человек, если он не задавлен монархическими путами, а живет в свободной Новгородской республике. Наши враги любят смаковать пороки наших монархов и их двора, но как-то забывают о чисто русской республике — Господине Великом Новгороде. Ведь большая часть достижений русского народа в средние века — это прежде всего достижения Новгородской республики. Новгородцы-республиканцы первые освоили Урал, они же проникли в Сибирь. Они же освоили и Север. В то время как всякие Владимирские и Московские княжеские недоноски спорили кто из них более велик, и в драке за власть выкалывали друг другу глаза, новгородцы проникали в такие суровые края, что и сейчас-то там страшно.

Уже к началу 15-го века, задолго до окончательного освобождения Руси от монгольского ига, новгородцы освоили Белое Море и его острова. В это время легендарные Герман и Савватий высадились в бухте Сосновая и построили там первый Скит — Савватьевский. Место для монастыря было выбрано неудачно, низкое, болотистое. Позднее Савватий вместе с другим подвижником — Зосимой выбирает более удачное место для крепости в бухте Благополучия. Первый игумен монастыря Зосима (1452—1478 г.) обносит крепость частоколом.

Архипелаг покрыт лесом, но русские первопроходцы берегли

его, и уже в XVI веке начали строить здесь каменную крепость — Кремль, а в нем соборы, церкви, мельницы, пекарни, трапезные, кельи, квасоварни, мастерские — все что нужно для жизни на островах. Следует заметить, что в то время, да и позднее в течение почти 250 лет, морской выход за рубеж у Руси был только через Белое море, и Соловки охраняли его. А если учесть, что железных дорог и самолетов тогда не было, то можно понять какую большую роль играла эта крепость для жизни всего государства.

Старшина Исаев был прав, я потом проверил по книгам. Крепость на Соловках была построена действительно всего за 14 лет. И это там, где и кирпич, и все остальное, делать пришлось самим. Руководил стройкой Филипп Коллчев. Началась она в 1537 году. Не раз враги пытались взять штурмом крепость, в упор расстреливали ее с огромных кораблей, но никому не удалось захватить ее силой. Правда, предательством царские войска ее брали в 17 в. Тогда Соловчане подняли восстание против царской власти. (Они были гордым народом — наследники Новгородской республики и не раз бросали вызов "самодержцам всея Руси и Белые и Малыя"...) И только предательство помогало сломить их гордый дух.

Стены длиной в километр, сооруженные так, что их не могли пробить 9 часов в упор стрелявшие пушки Английской эскадры в 1854 г. Снаряды и ядра просто отлетали от стен, как мячики.

Из подобных огромных камней сооружались лишь египетские пирамиды, но пирамиды делали сотни тысяч людей, десятки лет. Здесь в Соловецкой общине постоянно жило всего 250 человек. И строили они Трапезную (Успенскую) грандиозную церковь всего 5 лет, а еще более величественный, 40-метровой высоты, Преображенский собор — всего 8 лет. А стоит Соловецкий кремль и его соборы уже больше 450 лет и нерушимо. Правда в последние 30 лет Кремль сильно пострадал, особенно в 1957—1974 гг.

В годы войны здесь была наша школа юнгов Военно-морского флота СССР и Учебный отряд Северного флота. В Преображенском соборе была столовая, куда помещалось сразу около шестисот человек. Теплые кельи монахов, превращенные в матросские кубрики помогали Флоту разместить здесь большую часть будущего состава флота.

В 1942 году мне пришлось недолго блаженствовать в Кремле. Мест не хватало. Одна школа юнг имела более тысячи курсантов. Решено было часть их перебросить в Савватьевский скит. Туда где в начале 15 века впервые высадились легендарные основатели Соловецкой монастырской общины — Герман и Савватий. Там всего было

два полукаменного здания и церковь. В них разместились учебные классы. А жили до января в палатках. Это было не просто на Севере. В свободное от занятий время мы долбили скалы и строили землянки. В январе, наконец, переместились в теплые большие, на 50 человек, землянки...

Второй раз в этих землянках я жил зимой 1945—1946 года, когда учился в школе старшин. Это было для нас еще военное время, потому что тральщики должны были разминировать Северный морской путь до 1948 г. Нас торопило теперь мирное строительство.

И вот, 3-й раз, я прощаюсь с удивительным краем — Соловками. Это чудесный уголок природы. Климат, богатство ягодами, грибами, рыбой, напоминало мне родной Южный Урал. Те же озера, сопки, сосны. Правда, здесь, озера еще в XVI в. соединены каналами. Эти каналы, выложенные камнем, тенистые аллеи, напоминали мне парки Версаля и Сент Жермена. Богатый, красивый, но увя, сейчас бесхозный край...

7. Архангельск

Я долго не мог уйти с мостика, оторвать взгляд от уплывающих за темный горизонт Соловков. Башни "Беффруа" Преображенского собора, маковки Успенского, остроконечный пик сторожевых башен, как верхушки гигантских деревьев долгие чернели на горизонте. Последний раз мигнул маяк Секирной и архипелаг исчез за горизонт. Ушло детство. Только тут я заметил, что сильно продрог и почему-то устал. До Архангельска есть время отоспаться.

Однако проворочавшись несколько часов на узкой койке в каюте, я понял, что сна не будет и, тихо, чтобы не разбудить своих троих спутников по каюте, оделся и вышел на палубу.

Теплоход шел Северодвинским заливом... Берегов не было видно. Но я знал, что здесь опасное место. Северная Двина за тысячи лет намыла сюда огромное количество ила, песка. Образовалась здесь грандиозная мель — Сухое море... Здесь легко потерпеть крушение. Судно шло по узкому, прорытому специально на дне моря, глубоководному каналу — Фарватеру. По обе стороны его чернели вешки, показывающие путь для судов. Вспомнилась снова военная служба... Шли этим же курсом...

— Застрелю, куда повернул корабль! — кричал старпом, размахивая под моим носом пистолетом. Но я бешено вращал штурвал.

— Тут же мины и мель! — Кричал Осадчий.

— Поворачивай к вешкам! Убью, — неистовал он, а я задохнувшись от яростного вращения штурвала никак не мог вымолвить слова, и только мотал подбородком, пытаясь показать ему то, что он еще не видел. Корабль резко свернул влево. Старпом взвел пистолет (он имел право застрелить на месте за невыполнение приказа), и в этот момент раздался голос сигнальщика Митина:

— Прямо по носу неясный предмет! —

Старпом с пистолетом в руке выскочил из рулевой рубки.

— Сволочь, рулевой, — не остынув, он взбежал на сигнальный мостик. Схватил бинокль и увидел, корабль в последнюю минуту отвернул от какого-то темного предмета неподвижно торчащего из воды. Даже, если это не мина, все равно, если бы не отвернули, корабль на полном ходу врезался бы в мель и кто знает чем это обошлось для всех нас... Каким-то чудом, благодаря своему необычайно зоркому зрению, я заметил этот предмет раньше сигнальщиков и сумел отвернуть корабль. Потом выяснилось, что шторм сорвал вешки с места и они уж показывали нам путь на минное поле и мель... Старпом долго на меня сердился. — Ты должен был сперва доложить...

— Но тогда бы не увернулись от гибели, — пытался я оправдаться, но он не принимал извинений.

— Все равно тебя надо было застрелить. Меня сдержало лишь то, что кроме тебя никто не знал фарватера. Ты-то тут ходил не раз. А то-бы застрелил, негодяя. Без разрешения сменить курс, да еще ты обматерил меня, старпома, — сердился он долго, пока меня не направили в распоряжение Политуправления Северного Флота. Адмирал Торик сообщил, что командование решило меня, как лучшего комсорга корабля флота, отправить учиться в Ленинград. Так, в 1948 г. для меня кончилась война.

В 1948 году меня направили учиться в Ленинградское высшее военно-морское... (Ведь из нас юнг планировали вырастить адмиралов). Но не все выдюжили... Сдал и я. Подвело здоровье... Повлияло многое... На тамике 106 был не только трал вручную... Там был и устаревший паровой котел и топки... Их надо было периодически чистить. Иногда на-ходу, не заглушив котла, чистили топки. Из одной выгребали жар и туда лез кто-то из нас двоих юнгашей (взрослей-то не везде пролезет)... Когда глушили котел было не легче. Пыль, гарь забивали легкие... А передохнуть не было времени.

— Скорее заканчивайте котлочистку... Караваны союзников ждут — торопил штаб.

Зима в палатках на Соловках, уборки трала и котлочистки — и прочее, зафиксировал в моих легких безжалостный рентген и... меня отчислили из училища...

Я вступил на родной флот. Был назначен командиром на маленький катер Северного флота... Снова море... Мне уже шел 22-й год...

В августе 1949 года мы вот здесь же в Северодвинском заливе встали на якорь, высадились на берег, обратно добирались к катеру на байдарке. Налетел шторм. Байдарка ушла под воду в нескольких метрах от катера, на виду начальника разведки Флота и других офицеров, с которыми мы сюда прибыли... Несколько часов нас мотало в море. Серега Игошев, мой друг и помощник не выдержал ледяной ванны. Похоронили мы его в Соломбале...

Конечно, это уже была не война. Зимой катер стоял на причале. Появлялась возможность всерьез заняться учебой... Я поступил на вечерний истфак Архангельского пединститута, на последнем курсе демобилизовался. Теперь ничто не мешало заниматься любимым делом — археологией, которой я и посвятил 30 послевоенных лет...

Стало светать, когда мы прошли 32 мили узким рукавом-Маймаксой и вышли на широкий плес Северной Двины у центра города.

Справа от нас чернел левый берег с вокзалом. Слева, виднелись башни Гостинного двора XVI века... Впереди — железнодорожный мост через Двину...

В 1942 году моста не было... Нас выгрузили из теплушек в яркий солнечный день. На Севере мало солнца и поэтому редкие солнечные дни память зафиксировала особенно четко... Яркое северное солнце и разрывы бомб со всех сторон. На город налетели полторы сотни фашистских самолетов, преследуя караван союзников...

— Мама, — кричал кто-то из будущих адмиралов, а сейчас абитуриентов в Школе Юнг (Мы были посланы от всех комс. обкомов страны...) Но, маму звали немногие. Большинство зачаровано смотрели на пикирующие самолеты и падающие бомбы. Никакого чувства реальной опасности у нас не было. Казалось, что все это как бы в кино...

Так же было 22 июня 1941 года. Мы бежали с другом по Старой Уфе и кричали:

— Ура, война началась!

Так мы были тогда воспитаны. Война для нас была как бы эпизодом из фильма "Чапаев". С шашкой наголо впереди победного, только победного, разящего всех врагов войска. И никаких пора-

жений и отступлений мы и не мыслили. Но неделя работ по растаскиванию трупов на разбомбленных складах Архангельска, излечили нас от детских впечатлений. Война нам показала другое, совсем не маминно лицо... В Уфу райкомы Башкирии прислали 300 кандидатов в Школу Юнг. В Архангельск нас прибыло 120. На Соловки — 80 человек. Остальные взяли свои заявления обратно и вернулись к мамам. В живых я знаю четверых: Бриллиантов, Кашиц, Ящук и я. Такова статистика..

"Еланская" подходила к морскому вокзалу с заметным креном. Город еще спал. На причале виднелись две маленькие фигурки. Одну я узнал — наш бывший радист с тамика — Якушин Саша. А второй, какой-то более молодой был незнаком. Кто это? И только сбежав с трапа я узнал,

— Петя, Митиц, друг. — Это был тот самый сигнальщик с нашего тамика, неутомимый шутник, разыгравший на Вайгаче меня и спасший от расстрела своевременным докладом в минном фарватере... Полковник в отставке он и сейчас сохранил стройность. Мы обнялись и, чего греха таить, расслакались как слабонервные дамочки. Ну, что же в 40 лет один раз можно и простить морякам их слезы...

Прошло 43 года с тех пор, как, прошел комиссию по приему в Школу Юнг и вместе с другими абитуриентами тушил зажигалки и растаскивал горящие обломки военных складов в Архангельске. За эти годы в моей жизни произошло много разных событий. Напряженное учение, организация сложных научных экспедиций, трудные раскопки, ожесточенная научная борьба, интриги — все это казалось навсегда вытеснили из моей памяти события фронтовой юности. А вот попал в знакомые с детства места и все вновь ожило... Арктический круиз вернул меня в дни моей молодости. И захотелось рассказать своим детям и внукам и их сверстникам о том, что такое война, чтобы они постарались не допустить ее. нас было 1200 юнг первого набора. В живых сейчас я из них знаю лишь единицы. Каждый кто выжил сделал много полезного. Одни стали писателями, как мой однокашник и одноземлячок по Соловкам, то же бывший рулевой Северного флота В.С. Пикуль или В.В. Гузанов, другие, как Б. Штоколов — артистами, третьи — адмиралами, учеными. А большинство моих сверстников мальчишек, которым сейчас еще не было бы и 60-ти, уже больше 40 лет лежат на дне морей и океанов. Сколько их осталось на дне Карского и Баренцева, сколько погибло стральщиков 114 и 118, с "Марины Расковой", с "Сибирякова", с "Тумана", с "Карла Либкнехта" и многих многих других героически погибших

кораблей... А ведь каждый из них мог стать и писателем, и ученым, и артистом и художником. Сколько пользы они могли бы принести своему народу, своей стране... Но, увы, их поглотила война в самом начале их жизни. И таких в нашей державе 20 миллионов. Целая большая страна. Большой народ. Целое государство, каких немало сейчас на карте... Это государство исчезло в самом начале своей жизни. Исчезло ровно половина Англии, две с половиной Болгарии, четыре Дании, пять Норвегий... Кто знает, что могли бы сделать для человечества эти огромные силы... Хотелось бы чтобы наши дети и внуки были умнее нас и не допустили новой бойни; научились бы ценить и любить человека. А иначе для чего жить.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МЕДСЕСТРЫ

1. 7 ноября 1942 года

На Ленинградский фронт я попала в сентябре 1942 года и стала работать медсестрой в военно-морском порту Кобона в южной части Ладожского озера. Этот порт стоял на Дороге жизни, осуществлявшей перевозки в осажденный Ленинград. Порт Кобона, как и вся Дорога жизни, постоянно подвергался воздушным налетам. Все службы порта находились под землей: склады, судоремонтные мастерские, камбуз и столовая рабочей роты. Даже гауптвахта была глубоко под землей (знаю по личному знакомству). В деревне Леднево недалеко от порта в помещении деревянной школы размещался стационар Медико-Санитарного Отряда Ладожской военной флотилии. В этом одноэтажном домике были прихожая-зал, два классных помещения, учительская и подсобные помещения. Мы устроили здесь приемную (она же — место дежурной сестры), перевязочную, операционную, ординаторскую и аптеку. В бывших классах находились палаты для раненых. Электричества не было, вечерами и ночью работали при керосиновых лампах, и только в редчайших случаях порт запускал движок и давал нам свет.

30 октября 1942 года немецким бомбардировщикам удалось прорваться сквозь ПВО, и до 10 ноября порт страшно бомбили. Тревоги не прекращались. Наша санитарная машина подвозила в стационар раненых, подобранных на пирсах и территории порта. Мы их раздевали (как же трудно снять одежду с раненого, когда не знаешь, куда он ранен!) и одновременно записывали, затем перевязывали, оперировали, выводили из шока, вносили в палаты. Тогда я впервые увидела раненых в шоковом состоянии. И здесь должна сказать, что расхожее репортерское выражение "его хватил шок" придуманно несведущими людьми, оно бессмысленно. Человека в состоянии шока привели большая потеря крови и огромное переутомление болью! Шоковый раненый бледен как покойник, у него нитяной пульс, он еле говорит и вот-вот умрет. Такого раненого надо согреть, к ногам грелку, дать горячее питье (если не ранен в живот!), влить противо-

шоковый и кровозамещающий растворы и только после этого оперировать.

Особенно адски и пунктуально бомбили нас немцы 7 и 8 ноября 1942 года. У нас уже было много тяжелораненых, они переполняли наши две палаты и даже приемную, от раненых нельзя было отойти. 7 ноября бомбили весь световой день; вечер и до полночи мы обрабатывали раненых, затем недежурные сестры ушли, остались санитарка Люся Сутеева, я и измученный хирург Анатолий Васильевич Петров. Среди раненых было несколько обожженных матросов, один из них, Богданов, был в особенно тяжелом состоянии. Я часто сидела около него — ничем другим помочь ему было нельзя. Ночью я с лампой в руках обходила по очереди всех раненых — не промокла ли повязка, не ослаб ли пульс, не помирает ли. Осмотрев последнего, я опять начинала обход с первого, так как раненых было несколько десятков и времени на такой осмотр уходило много. У раненого кочегара Сычева (открытый перелом бедра) почти исчез пульс, нос стал заостряться. Пришлось мне разбудить хирурга, и мы срочно влили раненому кровозамещающий и противошоковый растворы, но все это помогло только на время. Тогда Анатолий Васильевич решительно сказал, что Сычеву нужно влить кровь. Консервированной крови у нас не было, и я предложила свою, поскольку у меня универсальная группа крови (я до Ладоги не раз сдавала кровь на донорском пункте). Я села на табурет в перевязочной, санитарка туго затянула мне жгутом левую руку выше локтя, вена вздулась, и хирург через иглу-трубочку быстро заполнил стакан моей кровью. Локоть мне забинтовали, затем мы пошли с кровью в палату и втроем влили Сычеву через такую иглу мою кровь из стакана. У раненого наступило стойкое улучшение (через месяц он вместе с другими был благополучно эвакуирован в тыл).

Наступило утро 8 ноября 1942 года, больным надо было ставить градусники (их было несколько штук всего). В конце смены я стала собирать последние градусники и тут с ужасом увидела, что обожженный Богданов мертв, а градусник я ставила еще живому! У меня началась истерика, его смерть казалась мне моей виной. Но врач сказал, что у Богданова была обожжена такая большая поверхность тела, что спасти его было уже невозможно.

8 ноября снова тревога, бомбежки, новые раненые, и только часам к 23, когда кончили перевязывать и оперировать, мы — врач Петров, сестры Васильева, Полонская и Равдина, санитарки Сутеева и Шилова — вспомнили, что сегодня 25 годовщина Октября! Мы усе-

лись при керосиновой лампе, выпили положенные праздничные стограмм, вспоминали свою работу за эти дни — дружную, слаженную, самоотверженную. И очень мы друг друга все любили в этот вечер. Потому что именно при таких обстоятельствах и при такой работе человек проявляет вершину духа и любви.

2. Вот такая любовь.

Перед Ладогой мы с подружкой Тамарой работали год медсестрами в Военно-Морском госпитале в городе Кирове-Вятке (з перед войной четыре года учились на одном курсе Истфака МГУ). В декабре 1941 года в Киров была эвакуирована из голодного и холодного Ленинграда Военно-Морская Медицинская Академия. Тогда я впервые увидела дистрофиков. Многие прибывшие ленинградцы легли на излечение в наш госпиталь, среди них был курсант 3-го курса Академии Вася с туберкулезом. Он лежал в том отделении госпиталя, где в перевязочной работала Тамара. Она перестала гулять с другими, влюбленными в нее курсантами, и все свободное время проводила у Васи в палате. Летом 1942 г. Вася был переведен из госпиталя в санаторий для выздоравливающих под Кировом и писал Тамаре оттуда. И как раз в это время мы с Тамарой по нашему давнишнему рапорту были наконец отправлены в действующий флот. Мы попали в сентябре 1942 г. на Ладожское озеро, в порт Кобона. Вася и Тамара продолжали переписываться, в письмах произошло объяснение в любви. В июле 1943 г. лейтенант медицинской службы Вася был послан из Медицинской Академии (из г. Кирова) на практику в Кронштадт и остановился в неизбежной для всех, едущих в Ленинград, Кобоне. Из порта, прямо с пирса он позвонил в наш стационар в Ледневе, я тогда дежурила, а Тамара спала после дежурства. Я побежала к ней, разбудила, и она вихрем, по июльской жаре в суконной форменке и довольно полненькая из себя промчалась три километра от Леднева до порта. Тамара с Васей успели поговорить до отплытия Васи на ленинградский берег Ладоги. Он сделал ей предложение "руки и сердца", и они договорились, что через месяц практики Вася получит отпуск, Тамара придет к нему в Ленинград, где они и поженятся. О конкретном дне своего возвращения из Кронштадта в Ленинград Вася должен был Тамару уведомить заранее. Однако через несколько дней после их свидания мы с Тамарой 20 июля 1943 г. в составе Маневренно-Хирургической группы Ладожской Военной флотилии выехали на передовую, на Невскую Дубровку. Оттуда должен был высаживаться морской десант на занятый немцами левый берег Невы. На передовой мы пробыли три недели, и за это время в Леднево на имя

Тамары от Васи пришло 16 писем! Оставшиеся в Леднево наши девочки, знавшие васины-тамарины обстоятельства, поспешили отправить эти письма на Невскую Дубровку с оказией в виде матроса. Но матрос до нашего пекла не добрался. Когда 12 августа мы вернулись в Леднево, и Тамара узнала о куче писем от Васи, а что в них написано — неизвестно, она решила немедленно ехать в Ленинград. Но прежде всего надо, чтобы отпустило начальство, ведь время военное, и мы на фронте!

У нас с Тамарой были хорошие отношения с нашим непосредственным медицинским начальником — майором А.В. Петровым, и хотя Тамара была всего-навсего старшиной 1-ой статьи, Анатолий Васильевич оформил ей командировку в Ленинград с 15 августа. Как только Тамара уехала (Кс она-Осиновец по озеру 32 км, затем по железной дороге два часа до Ленинграда, а там от Финляндского вокзала на Фонтанку) — вернулись обратно с Невской Дубровки в Леднево все 16 васиных писем, да к тому же еще новые поступили. И во всех этих посланиях Вася умолял Тамару приехать в Ленинград к 25 августа! Тамара же приехала в Ленинград 16 августа, никакого Васи у его удивленных родителей не нашла и подавленная вернулась в Леднево. Здесь наконец получила она все причитающиеся Васиные письма, узнала о 25 августе и впала в отчаяние: вторую командировку, вслед за первой, ей, не офицеру, конечно, не дадут, к тому же уехал в Ленинград на врачебную конференцию наш милый майор А.В. Петров и неизвестно, когда приедет! А время идет, судьба может не состояться. Тамарка металась, я боялась к ней подходить. Наконец, 22 августа приехал А.В. Петров, мы побежали к нему, чистосердечно все рассказали, показали письма. Конечно, ему было трудно помочь Тамаре, но он пошел в штаб порта и сурово спросил, почему нам в стационар не дали электрического света, когда у нас была серьезная операция? После этого потребовал, чтобы его медсестре (Тамаре) дали командировку в Ленинград на три дня для приобретения инвентаря. Майора уважали, за неудачу электричества устыдились, и командировка вместе с довольствием Тамаре была выписана. Приехала Тамара в Ленинград 25 августа утром, легла с дороги поспать у будущей свекрови, а проснулась от того, что "в глазу очутился погон" — это к ней наклонился приехавший из Кронштадта Вася. Расписались они в ЗАГСе (в Ленинграде говорят "записались") 28 августа 1943 года и с тех пор очень счастливо живут в нашей северной столице.

МОИ ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Трудно складно и последовательно рассказывать свою биографию военных лет. Воспоминания отрывочны. Либо о самых радостных, либо о горестных событиях. Будничная военная жизнь отложилась только общим тяжелым впечатлением. Чем я только ни занимался, где ни воевал!

В 1937 г. я закончил Ленинградский инженерно-строительный институт. Здесь хорошо была поставлена военная подготовка. Каждое лето мы выезжали в лагеря, учились строить укрепления, препятствия, изучали особенности боевой техники. Потом нам присвоили звания командиров взводов саперных войск. Во время войны мы мало отличались своими познаниями от кадровых военных. Летом 1941 я, уже аспирант ИИМК АН СССР, обследовал в Подмосковье архитектурные памятники XVI в. — по теме будущей диссертации. Узнав о начале войны я сразу же вернулся в Ленинград и вступил в народное ополчение.

Начальником инженерной службы отдельного 277-го артиллерийско-пулеметного батальона я участвовал в оборонительном сражении на подступах к Ленинграду. В упорных боях в районе деревни Разбегаево близ Ропши наш батальон почти полностью погиб, а я чудом остался жив. (Памятник моим однополчанам можно увидеть сейчас на месте боев под Ропшей). Когда враг вплотную подошел к городу, я был в строю в пехоте, ходил в штыковые атаки, затем командовал саперной ротой. Близ устья р. Тосны я был ранен и попал в госпиталь. После выздоровления я в течение некоторого времени находился в резерве инженерных войск Ленфронта и участвовал в работах по подготовке города к обороне. Мы строили баррикады, доты, пробивали амбразуры в стенах жилых домов. Я работал на Петроградской стороне. Вскоре я вновь оказался на передовой командиром саперной роты.

В январе 1943 г. меня перевели в инженерный отдел Балтийского флота. С этого времени моя служба протекала в блокадном городе, где жила моя семья, где я встретил мою будущую жену, тогда медсестру в госпитале... Много хлопот доставляло обеспечение деятельности береговой дальнобойной артиллерии. Эти огромные пушки были необходимы для уничтожения немецких орудий, обстреливавших город. Поскольку ствол железнодорожной пушки почти не мог изменять свое положение относительно платформы, на которой она была установлена, приходилось для каждого залпа строить новую ветку пути в строго определенном направлении. Представляете, какого гигантского труда стоил каждый выстрел! Но зато почти всегда он достигал цели, и вражеские орудия замолкали одно за другим! Чтобы враг не обнаружил наши пушки по вспышкам выстрелов, мы взрывали специальные пороховые заряды, имитировавшие работу орудий одновременно в разных точках города. Хитрость удалась. Фашисты упорно расстреливали пустыри и развалины, но так и не смогли подавить ни одну из наших батарей. Этот эпизод вошел в историю войны на Ленинградском фронте. Мое участие в этой работе отражено в трудах наших военных историков (Кузьмин, 1973, с.395; 1975, с.372).

Другое направление моей работы состояло в изыскании способов обезвреживания мин и неразорвавшихся авиабомб. Особенно досаждали различные "сюрпризы", на которые враг не скупился. Притуплялось сознание опасности и мы разбирали мины неизвестных конструкций едва не за обеденным столом. Однако, наиболее сложные взрывные устройства приходилось обкладывать толлом и уничтожать. Для обучения личного состава минному делу мне приходилось выезжать в командировки. Отлично помню поездку в немецкий тыл на маленький островок Лавансари, героический гарнизон которого продержался всю войну. Под покровом ночи удалось нам проскочить туда на быстроходном катере. Выяснилось, что враг забросал остров маленькими авиабомбами, многие из которых не разорвались, но могли сработать при малейшем прикосновении. Приходилось действовать очень осторожно. Вскоре все бойцы освоили эту технику и опасность миновала.

После снятия блокады Ленинграда характер моей деятельности был связан с разминированием балтийского побережья. Уходя, противник обильно начинил его минами. Помню, на второй день после освобождения я попал в Пушкин. Разрушенный дворец. Спленные вековые деревья. Беседки, исписанные по-испански — здесь стояла фран-

кистская "Голубая дивизия". Особую сложность представляли поиски мин в портовых сооружениях. Там есть где их прятать. При разминировании гибли, подчас, опытные саперы. А ведь основной объем работ пришлось выполнять даже не мужчинам, а девушкам из специальных батальонов, которые мы прозвали "собачьими" потому, что девушкам помогали особым образом обученные псы. Их совместный труд оказался очень плодотворным. Наверное, девушки были даже внимательнее мужчин и несчастных случаев с ними было гораздо меньше. Памятник подвигу наших боевых подруг стоит сейчас в районе Старого Петергофа. "Минерам балтики" написано на постаменте...

После капитуляции Финляндии наши войска заняли военно-морскую базу Порккала-Удд. Я был там с инспекцией. Поехал через Хельсинки. Было очень странно всего через несколько недель после окончания войны встречать финских офицеров в будничной городской обстановке. Когда я добрался до Порккала-Удд, выяснилось, что все окрестные дороги вконец разбиты тяжелой военной техникой. Командование базы предложило пересесть на лошадь. Мне это было даже приятно, поскольку перед войной я занимался конным спортом. Пришлось мне в полной форме офицера флота сесть в седло и так выполнять задание.

9 мая — День Победы я встретил в Таллине. После объявления по радио все выбежали на улицу и стреляли в воздух из личного оружия. Этот день я помню как один из самых счастливых в моей жизни. Сейчас, когда мы готовимся отпраздновать его сорокалетие, мне хочется сказать: "Пусть никогда не повторится на нашей планете то страшное, что несет война!"

В феврале 1946 г. я демобилизовался. За годы войны я был награжден двумя боевыми орденами и медалями.

Со слов П.А. Раппопорта записал Д.И. Фояков

ОБ ОТЦЕ

Алексей Петрович Смирнов (1899 — 1974) принадлежал к поколению людей, которые создали советскую археологию и подготовили прочную базу для ее успешного развития в настоящее время. Он родился 29 мая 1899 года в городе Москве в семье присяжного поверенного. В 1916 году он окончил реальное училище и поступил на Механический факультет Высшего технического училища, откуда ушел по болезни со второго курса, после чего работал в различных учреждениях.

С 1922 по 1924 год А.П.Смирнов учился на факультете общественных наук 1-го МГУ и получил специальность археолога. Здесь он познакомился с крупнейшим русским археологом В.А. Городцовым, который оказал огромное влияние на его формирование как ученого и гражданина. Именно под влиянием В.А.Городцова сформировались качества, которые отличали А.П. Смирнова: широта научных интересов, высокая требовательность к себе и другим, точность и тщательность исследования, любовь к сложным и актуальным проблемам науки. С 1923 по 1926 год он принимал участие в работах экспедиций В.А.Городцова и уже с 1924 года начал проводить самостоятельные полевые исследования. Диапазон его научных интересов был чрезвычайно широк.

22 июня 1941 года война прервала мирный труд советских людей. А.П.Смирнов 7 июля 1941 года добровольцем вступил в Народное ополчение и был зачислен рядовым бойцом в 1 роту 1 полка Ленинской дивизии, в составе которой находился до 6 октября 1941 года, когда дивизия попала в окружение. 6-го октября он участвовал в неудачном бою у деревни Витиновка, а после этого с группой товарищей выходил из окружения. 22 октября он перешел фронт у деревни Борисово в р. оне г. Верей на р. Пратве и оттуда направился на Дорохово, а потом на Звенигород. Из Звенигорода, с пункта формирования он был направлен в 202 запасный полк, а оттуда в 840 саперный батальон, входивший в состав Западного фронта. Будучи рядовым бойцом саперного батальона А.П.Смирнов участвовал в наступлении под Москвой на Истринском направлении.

14 января 1942 г. А.П.Смирнов был демобилизован и направлен в Москву в распоряжение Академии наук СССР. В 1942 — 1943 гг. он работал начальником отряда экспедиции особого назначения АН СССР, которая выполняла задания Наркомата обороны. В период с 1942 по 1944 год он многократно выполнял поручения Государственной Чрезвычайной комиссии по установлению ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками.

За участие в войне А.П. Смирнов был награжден медалями "За оборону Москвы" и "За победу над Германией".

Сразу после окончания войны, летом 1945 года А.П.Смирнов возглавил экспедицию Казанского музея и продолжил раскопки на Болгарском городище. В послевоенный период он руководил работами ряда экспедиций в Поволжье, среди которых особое место занимала Куйбышевская, работавшая в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. По инициативе А.П. Смирнова в 1959 году была организована Поволжская археологическая экспедиция, которая исследовала золотоордынские и болгарские памятники в среднем и нижнем Поволжье. Ее начальником он оставался до конца жизни. Последний раз А.П.Смирнов работал в поле летом 1971 года на Болгарском городище, когда ему было 72 года. Он умер 10 марта 1974 года.

Всю жизнь А.П.Смирнов был связан с Государственным Историческим музеем, где он сразу после окончания Университета начал работать экскурсоводом, потом заведующим вторым археологическим отделом и заместителем директора по научной части.

В 1953 — 1956 гг. А.П.Смирнов был заместителем директора Института археологии, а с 1957 года до конца жизни он заведовал сектором скифо-сарматской археологии. В продолжении всей жизни А.П.Смирнов большое внимание уделял преподаванию. В разные годы в различных учебных заведениях он читал курсы истории культуры и археологии, а в МГУ в продолжение ряда лет читал курс финно-угорской археологии. До конца жизни он руководил работой аспирантов и подготовил целую плеяду специалистов, среди которых есть доктора наук.

Две научные проблемы были главными в жизни А.П.Смирнова: финноугорская археология и археология Волжской Булгарии. В каждой из них он сделал эпоху. Но этими его научные интересы не ограничивались: античная археология, славяно-русская, скифы — вот далеко не полный перечень проблематики, которой он занимался.

ПОБЕГ

Приближение Советской Армии весной 1944 года к восточным границам Польши коренным образом отразилось на атмосфере Майда-нека — фашистского концлагеря в Люблине. Мы, заключенные, несмотря на строгую изоляцию от внешнего мира, знали об успехах наших доблестных воинов, беспредельно радовались этому, с нетерпением ждали встречи со своими освободителями, готовились к этому. Все это сильно беспокоило гитлеровцев и они начали готовиться к эвакуации лагеря. Первыми к такой эвакуации, согласно планов СС-ов, подлежали советские граждане — наиболее активная сила среди заключенных гитлеровских концлагерей.

В марте 1944 года эсэсовцы отобрали 600 для них наиболее опасных политзаключенных из состава советских граждан для отправки их в глубь Германии. Как только об этом стало известно, подпольный комитет разработал детальный план побега заключенных во время их транспортировки. Ведь это была единственная возможность для заключенных спастись и стать в ряды тех, кто боролся с фашизмом.

Перед тем, как посадить в вагоны, нас раздели догола, отобрали все предметы и загнали под холодный душ. Перед выходом из бани на наших головах выстригли полосы (для опознания заключенного в случае побега), одели нас в другую, хорошо проверенную, полосатую одежду (а перед этим эсэсовцы нас тщательно осматривали, нет ли при нас каких-либо предметов) и выдали деревянные башмаки, в которых далеко не побежишь. И все же, несмотря на самые тщательные проверки со стороны эсэсовцев нам удалось выполнить задание подпольного комитета и пронести с собой в вагоны режущие инструменты: гвозди и миниатюрные пилочки, специально изготовленные заключенными для побега. Эти предметы эсэсовцы не смогли обнаружить, так как они были спрятаны в теле (под кожей) заключенных.

Как только поезд набрал скорость, в вагонах под стук колес заработали однозубые (гвозди) и многозубые пилочки. Ими надрезали деревянные стенки вагонов и при последующем ударе в вагон образо-

вывалось отверстие, через которое один из заключенных пробирался снаружи к дверям и открывал их для побега остальных заключенных.

Побег начался успешно. Более 80 человек буквально под боком эсэсовцев (они при движении поезда стояли на страже в тамбурах вагонов) удалось спрыгнуть из вагонов и скрыться в лесу. Один из заключенных, 86-й по счету, нарушил инструкцию подпольного комитета о том, как прыгать из вагона и обратил этим внимание на себя охранников. Началась стрельба, был сразу же сорван стоп-кран. В вагоны врывались эсэсовцы, избивали всех подряд, травили собакам, требовали отдать режущие инструменты.

После многочасовой экзекуции нас согнали в неповрежденные вагоны, по 200 человек в каждый (до этого в каждом вагоне находилось по 55 заключенных) и больше четырех дней нам не давали ни капли воды. Но и в этих условиях заключенные, которые могли еще стоять на ногах, не прекращали подготовку к новым побегам. На этот раз надрезали доски пола, выбивали их и через отверстие на полном ходу поезда смельчаки опускались на рельсы. Таким образом, сумели совершить побег еще одиннадцать человек. Внезапно поезд остановился. Оказалось, что это была последняя остановка. Нас привезли в концлагерь Флосенбург (Бавария) — один из самых чудовищных в гитлеровской Германии. И в этом лагере смерти мы продолжали готовить новые побеги, готовились к схватке с фашистскими извергами. Когда же началась эвакуация концлагеря Флосенбург мы, заключенные, подняли восстание, ликвидировали эсэсовскую стражу и получили долгожданную свободу.

Бывший политзаключенный фашистских
концлагерей Майданек и Флосенбург.

ВОСПОМИНАНИЯ

После окончания в июне 1942 г. Одесского артиллерийского училища, которое во время войны было эвакуированное на Урал, я был направлен на Калининский фронт и назначен командиром линейного взвода батареи звуковой разведки 617 ОАРАД. Военная специальность — артиллерийская инструментальная разведка (сокращенно АИР) — довольно редка. Достаточно сказать, что в каждой армии даже в конце войны было по одному, реже два дивизиона АИР. О звуковой разведке написано очень мало и мне известны только воспоминания генерал-полковника Н.М.Хлебникова, который еще в первую империалистическую войну был первым командиром взвода звуковой разведки. Задача звуковой разведки заключается в определении координат батарей противника и пристрелки своей артиллерии при подавлении вражеской. Делается это путем засечки специальными приборами, направленными на звук выстрела или разрыва. Пересечение этих направлений на планшете дает искомую точку.

Дело это довольно трудное и в период обучения в училище мало кто из нас, курсантов, верил в эффективность данного метода разведки. Однако, в первый час пребывания на передовой я убедился в возможностях звуковой разведки. Только я доложил командиру батареи о своем прибытии в его распоряжение, как немецкая артиллерия открыла огонь и немедленно была засечена. Ее координаты тут же были переданы командиру огневого дивизиона, хотя, как сказал мой комбат, надежды на ответный огонь нашей артиллерии не было никакой, ведь в сутки наши артиллеристы могли расходовать по полтора — два снаряда на орудие. К счастью командир дивизиона в течение трех или четырех дней перед этим вообще не вел огня, и у него скопился кое-какой резерв. Ни о какой пристрелке не могло быть и речи. Снарядов мало. Просто командиры огневых батарей провели полную подготовку, и шесть орудий открыли огонь. Результатом этого обстрела был сильнейший взрыв в глубине немецкой обороны. По-видимому, один из снарядов попал в склад боеприпасов. Так я убедился в больших возможностях звуковой разведки.

Калининский фронт летом и осенью особой активности не проявлял, так как основные бои шли далеко на юге, и мы с волнением жда-

ли сообщений о битве на Волге. Надо сказать, что наша армия занимала оборону на Ржевском выступе, и очень часто боевые порядки смотрели на восток. Попытки уничтожить этот выступ успеха не приносили. Наконец зимой, когда на юге армия Паулюса сидела уже в окружении, наша армия приступила к уничтожению Ржевского плацдарма немцев.

Операция была хорошо подготовлена. Наша батарея была развернута на участке прорыва для ведения разведки, подтянута другая техника и, что главное, механизированный корпус для развития успеха. После артподготовки стрелковые части пошли в наступление и, прорвав фронт шириной до четырех километров, продвинулись в глубину на двенадцать-тринадцать километров. Однако, механизированный корпус был переброшен на другой участок, и наступление прекратилось. Немцы до конца февраля пытались вытеснить нас или окружить, но все их попытки оказались тщетными. Всего они оттеснили нас километров на три, мне несколько раз приходилось менять местоположение наблюдательного пункта.

Наконец, после упорных боев, немцы оставили Ржевский выступ, и бои в этом районе прекратились. А летом меня отозвали с фронта. Уже находясь в другой части, я был свидетелем знаменитой берлинской операции. До этого наша бригада участвовала в тяжелейших боях в Восточной Пруссии, затем в составе 28-й армии была переброшена на 1-й Украинский фронт. Прорыв и форсирование Одера прошли без меня, так как переброска через Польшу отняла много времени, и мы прибыли на новый плацдарм, когда маршал И.С.Коновалов уже нацелил часть сил своего фронта на Берлин. Смелость проведенной операции была изумительной. Подходившие с северо-востока передовые части армии и наша бригада переправились через Одер и двинулись на г. Котбус, чтобы с юго-запада ворваться в Берлин.

Где-то впереди наступали танки, но мы их пока не видели, а справа и слева от дороги на огневых позициях стояли пушки и минометы, ведя огонь по противнику. Прямо скажу — впечатление не очень приятное — ехать куда-то к черту на рога, оставляя за спиной противника. Но приказ есть приказ, и мы ехали вперед, так и не встретив немцев до самого Берлина. Первоначально моя батарея была развернута в районе аэродрома, но бои шли восточнее, куда нас и передвинули. Войск было еще мало, и мы ждали подхода главных сил армии. Однако, отступающие юго-восточнее Берлина около тринадцати

фашистских дивизий пытались пробиться на запад и перерезали единственную нашу дорогу в тыл. Пришлось вернуться обратно и преградить путь немцам на запад. Это продолжалось для нашей бригады день, после чего мы вернулись в Берлин на прежние позиции.

Тяжелую артиллерию в город не затащить, там она практически бесполезна, и наши боевые порядки находились на южной окраине города, откуда можно было вести огонь по Берлину. Плотной обороны на юге не было у наших частей, что позволило немцам, прекрасно знавшим город, прорваться к нам в тыл для совершения диверсий. Так как это произошло в ночь на первое мая, то праздник пришлось отложить и заняться уничтожением пробравшихся в тыл диверсантов, благо вражеская артиллерия активности не проявляла и основной работы почти не было. После падения Берлина бригада в составе 28-й армии была переброшена на юг уже с задачей освобождения Чехословакии.

СОДЕРЖАНИЕ

Геральд Матюшин. Археологи в Великой Отечественной войне.	3
---	---

1. СТИХИ

Лев Галкин. Юнги Соловецких островов	7
Родная морская	8
Опять завертелись колеса	10
Седина словно метки за грех	11
Борис Петерс. Атака	12
Окопы	14
На гибель Радомира Андреева	15
Перед атакой	16
У могилы	17
Бой	18
Все прошло	19
Военная кинохроника	20

2. ВОСПОМИНАНИЯ

Юрий Гришин. В боях под Киевом	22
Юрий Заднепровский. Незабываемое	24
Юрий Захарук. Первая весточка Победы	28
Геральд Матюшин. Арктический круиз	31
1. Рыбный порт	31
2. Баренцево море	38
3. Земля Франца Иосифа и Карское море	44
4. К Диксону	50
5. Вайгач. Канин нос	54
6. Соловки	57
7. Архангельск	60
Тамара Равдина. Из воспоминаний медсестры	65
1. 7 ноября 1942 года	65
2. Вот такая любовь	67
Павел Раппопорт. Мои фронтовые дороги	69
Кирилл Смирнов. Об отце	72

Борис Тимошук. Побег	74
Борис Тихонов. Воспоминания	76

Российская Народная Академия наук.

Редакционно-издательский комплекс. "Российская академия"

500 экземпляров.

Подписано в печать 20.2.90. Объем 5 п.л. Тираж 500 экз. Цена 2 руб.

